

Римские хроники

Роман Буревой
Северная Пальмира

«Автор»

2005

Буревой Р.

Северная Пальмира / Р. Буревой — «Автор», 2005 — (Римские хроники)

Римская колония на берегах Свевского моря – Северная Пальмира... Сюда, в родной город, после поражения на реке Калке возвращается князь Всеслав, несостоявшийся художник, мечтатель и авантюрист. Стечение обстоятельств приводит его не в стены Академии художеств, а на арену амфитеатра, где теперь бьются насмерть и где каждый день льется кровь. Всеслав без труда побеждает всех соперников, кроме одного. Этот боец немолод, сильнее любого в гладиаторской центурии. Мало кто знает его настоящее имя, но зрители дали ему прозвище – Император.

© Буревой Р., 2005

© Автор, 2005

Содержание

ЧАСТЬ I	6
Глава I	6
Глава II	29
Глава III	33
Глава IV	37
Глава V	47
Глава VI	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Роман Буревой Северная Пальмира

*Мы входим и не входим дважды
в один и тот же поток.*

Гераклит

ЧАСТЬ I

Глава I

Игры в Северной Пальмире

«Сообщения об активности войск Чингисхана не подтверждаются. Вряд ли Готскому царству грозит опасность в ближайшее время».

«В Лютеции и Лугдуне¹ прошли несанкционированные демонстрации. Три человека ранены».

«Император Постум Мессий Деций Август находится под опекой самого лучшего римлянина – диктатора Бенита».

«Акта диурна», канун Нон сентября 1977 года²

I

Каждое утро, подходя к окну, Гай Аврелий ожидал увидеть Крайнюю Фуллу³. Но видел только бледное небо и гранитную колонну, увенчанную крылатой Никой, вспоминал, что Земля круглая, и край Земли там, где на душе тоскливо, а центр – в Риме, а до Рима безумно далеко. Гай Аврелий прожил в Северной Пальмире десять лет. Он привык к холодному лету с приступами лихорадочной жары, к зиме, богатой оттепелями и трескучими морозами, к переменчивой весне со снегом в мае. Но к здешней осени привыкнуть не мог. Осень в Северной Пальмире начиналась в августе, в дни, когда Вечный город плавился от невыносимой жары, и длилась порой до январских Календ. Низкое небо и дожди, дожди. Вот и сегодня водная взвесь висела над городом. В Северной Пальмире вдоль улиц приходится строить бесконечные портики, чтобы защитить горожан от дождя, как в жаркой Италии они защищают от солнца. И кто назвал этот город Пальмирой? Гай Аврелий помнил горячее дыхание воздуха той, другой, южной Пальмиры, чудесного оазиса пустыни. Здесь тоже оазис – посреди озёр и болот. Если бы Гай Аврелий давал имя этой римской колонии, он бы назвал её восточным Лондиниумом – до того схожа погода в этих двух городах.

Но все же... Да, все же! Оговорка всегда найдётся. Этот город чем-то напоминал Рим. Там тоже почва болотиста, из низин являлся к жителям Города страшный гость – болотная лихорадка. В Риме, как и в Северной Пальмире, обожали земляные работы и, чтобы явить чудо Траянова форума, срыли угол Квиринала, капителью Траяновой колонны отмерив прежнюю высоту холма. Здесь же, на плоскости, разрезанной рукавами недавно народившейся реки, приходилось лишь насыпать и насыпать грунт, так что высоченные фундаменты зданий – а римляне всегда обожали высокие фундаменты – год за годом становились все ниже. Постепенно храмы и базилики вращались в землю, и ныне порой лишь несколько ступенек отделяют двери от мостовой – десятой или двадцатой по счёту.

Да, между Северной Пальмирой и Римом тысячи миль. Под этими северными небесами земля кажется не шаром, но кругом земным; и стоит этот город, призрачная тень Золотого града, на самом краю. Будто дальше и нет ничего – обрыв, предел. И кажется пальмирцам из

¹ Лугдун – Лион.

² 4 сентября. Летосчисление ведётся от основания города (датой основания Рима считается 753 год до н. э.).

³ Крайняя Фулла – край земли.

своего далека, что не имеет значения, кто правит Империей – Руфин, Бенит или Элий. Да, многим так кажется. И почти никого не волнует, что Элий отказался вернуться в Рим, Августа исчезла, и её не видели уже несколько месяцев, а в Риме от имени малютки-императора всем распоряжается диктатор. Волнуют налоги, цены на нефть и хлеб. Тревожит призрак Чингисхана. И уже забыт взрыв в Нисибисе и гибель легионов. Да, всех волнуют хлеб и нефть. А что ещё может волновать людей, лишившихся разом и гениев, и желаний?

Быть может, один Гай Аврелий тревожился. Но при этом префект не питал ненужных иллюзий: сейчас у бывшего Цезаря не было ни малейшего шанса одолеть нынешнего диктатора. Однако не противодействовать тирану слишком унизительно, и Гай Аврелий надеялся, что Элий что-то предпримет хотя бы ради самой борьбы. Элий против Бенита – иного варианта нет. Политический Олимп Рима за последние годы обеднел.

В самом деле, кто ещё может тягаться с Бенитом? Сенатор Флакк, жёлчный и неприятный старикан? Пусть он и возглавляет оппозицию, но желать ему победить – почти кощунство. Проб и Помпоний Секунд погибли, Луций Галл угодничает. Одно время Гай Аврелий ждал от Августы какого-нибудь неожиданного, совершенно замечательного хода. Но потом понял, что ждёт напрасно. Она всего лишь взбалмошная девчонка. Говорят, пророчица. Но ясно, что не политик. Сочинения Кумия читаются с интересом, но не поэту тягаться с диктатором! Есть ещё Марк Габиний, но он сломлен гибелью единственного сына, есть Валерия, но она весталка. Да, есть многие... И одновременно нет никого. А император Постум едва научился ходить... Смешно на младенца надеяться Риму.

В который раз Гай Аврелий после долгих размышлений не нашёл никого, способного сбросить Бенита. И опечалился этим. И вздохнул тяжело. Да что толку вздыхать! Надо было ехать.

Набережная перед зданием Академии художеств была запружена людьми. Длинное пурпурное «нево» префекта медленно рассекало толпу. Кто бы мог подумать, что выставка одной-единственной картины может привлечь такое внимание. Публика явилась разнообразная – снежные пятна тог мелькали среди разноцветной мозаики плащей, туник и курток. И повсюду – грибовидные шляпки зонтов. На тёмных громадах сфинксов, прибывших на берега Невы из Луксора, сидели люди, и вигилы делали вид, что не замечают нарушителей порядка. Репортёры сновали всюду.

Префект выбрался из машины и направился к дверям. Тога, как всегда, соскользнула с плеча и волочилась по ступеням. Гай Аврелий не умел носить тогу. При высоком росте и дородности он был неуклюж и переживал из-за этого. В огромном атриуме было холодно и торжественно – как в храме. Бронзовый Аполлон взирал на входящих снисходительно.

Куратор академии Мессий Ивар колобком скатился с лестницы навстречу префекту. Был он в тоге, как и положено римскому гражданину в официальных случаях, а чтобы ткань не спадала с покатых плеч, куратор сколол тогу в трех местах золотыми фибулами.

– Ты слышал новость, совершённый муж? Картина не понравилась диктатору Бениту! – воскликнул куратор, театрально выпучив глаза, что должно было означать смертельный ужас. – Диктатор заявил, что картина безвкусна...

– Ну и что? – раздражённо оборвал куратора Гай Аврелий и тут же пожалел о своей резкости: настроение все равно уже было испорчено болтовнёй Ивара. Все в жизни чем-то отравлено. Любовь к Риму – претензиями властителей на эту любовь, Венерины удовольствия – венерическими болезнями, произведения искусства – плевками критиков, и весь наш мир – самим человеком. Но природа терпит нас пока. Что ж, придётся префекту вытерпеть разговор с куратором.

Они уже вступили в зал. Колонны из карельского гранита тёмным блеском подчёркивали белизну стен. Поверху шёл рельефный фриз с узором из листьев аканта и виноградных лоз, из

завитков розового мрамора выглядывали фигурки людей, грифонов и кентавров. Так называемый восточный стиль, который нынче вновь в моде.

Не самый лучший интерьер для новой картины... Впрочем, для неё не имеют значения такие мелочи, как интерьер, – она все затмевает... Огромное, сверкающее свежими красками полотно. Красное раскалённое небо, ослепительный высверк молнии. Хлопья чёрного пепла, летящего смертоносным дождём. Наверное, так же падал с неба чёрный радиоактивный пепел в окрестностях Нисибиса. Храмы, ставшие руинами, и летящие с постаментов статуи.

«Последний день Помпеи»...

Люди на картине казались совершенными в своей красоте. Такими совершенными, какими никогда не были живые римляне. И себя они такими не изображали, не стесняясь показать жирные складки, надменные взгляды, презрительно выпяченные губы. Но художник из своего холодного далека увидел уроженцев юга именно такими, схожими внешне друг с другом и несомненно схожими с богами в своей классической красоте.

Все они должны умереть через несколько минут. Но художник остановил мучительный миг, продлил его на дни и века. Последний отчаянный порыв превратился в титаническое усилие. Гибель отсрочилась, но и спасение не наступило. Хрупкость красоты, ненужность подвига, взаимопомощи, преданности, любви. Они не спасут, когда над миром чёрным грибом нависает ненависть. Все погибнут – и трусы, и храбрецы. Что это? Гнев богов? Слепая ярость природы? Что делал гений гибнущего города, когда с неба падал раскалённый пепел? Может быть, плача от бессилия, он бежал вместе с другими, вдыхая смертоносные испарения, и не успел... Навсегда остался впечатанным в пепел.

Гай Аврелий смотрел и не мог насмотреться. Он бы мог приобрести картину для городских портиков. Но коллегия децемвиров⁴ вряд ли поддержит это предложение. Личных же средств префекта на такую картину не хватит. К сожалению, децемвиры оглядываются на Бенита. Трусы! Гай Аврелий передёрнулся. Унизительный век. Мерзейший. Каждый теперь высказывается с оглядкой: а вдруг не понравится диктатору? Все знают, что Бенит обожает смертельные поединки в амфитеатрах, вот и устраивают их повсюду. И в Северной Пальмире уже дерутся. Гай Аврелий рад запретить, да не может. Говорят, куратор Художественной академии не пропускает ни одного смертельного боя.

– Кто-то разбил статую моей работы перед Публичной библиотекой! – шептал тем временем куратор, теребя тогу префекта. Из-за низкого роста ему приходилось привставать на цыпочки. – Всего два месяца простояла. И вот – в осколки, в дым... Варвары!

Про изуродованную Венеру префекту уже доложили. Нос отбили и руки. Теперь стоит, закрытая полотном.

– Вигилы занимаются этим делом. Но пока никого не нашли, – сообщил Гай Аврелий, отворачиваясь от куратора и разглядывая гостей, явившихся на открытие.

Какой-то молодой человек со светлыми откинутыми назад волосами и короткой рыжеватой бородкой, вызываясь подбоченья, разглядывал префекта и его собеседника. Взгляд дерзкий и беспокойный. Лицо знакомое... А вот имя...

– Поговаривают, что введут присягу лично Бениту для студентов и учёных, – сказал будто между прочим префект.

– А для художников?

Префект продолжал наблюдать за молодым человеком, имени которого он никак не мог вспомнить. Тот нервничал все больше и больше, поминутно оглядывался, делал какие-то непонятные жесты, то многозначительно хмурился, то издавал громкое «гм», но на него не обращали внимания.

⁴ Коллегия децемвиров – орган городского самоуправления.

– Для художников – в первую очередь, – отвечал Гай Аврелий, хотя про художников ничего не знал.

– Ну конечно, художники должны присягать. На них лежит такая ответственность! Куда больше ответственности солдата. Вдруг кому-то поручат написать портрет Бенита? Не все зависит от степени подготовки и таланта.

– Подготовка или таланта? – переспросил Гай Аврелий, не скрывая издёвки.

– Подготовка обязательна! Один Бенит настолько талантлив, что может без всякой подготовки управлять Империей, да ещё в такое сложное время. – Префект внимательно глянул на собеседника. Что это – тонкая ирония? Но куратор говорил вполне серьёзно.

Люди толпились вокруг картины, уже весь зал был полон. Репортёры, которым было пока запрещено фотографировать, рыскали среди посетителей и брали интервью. Густая толпа роилась вокруг автора, молодого художавого человека с русыми волосами до плеч. Зато его коллеги-живописцы держались отдельной группой и выглядели смертельно оскорблёнными.

Какой-то человек с очень бледным измождённым лицом стоял перед картиной уже с полчаса неподвижно и вдруг повалился на мозаичный пол и, раздирая на груди льняную новгородскую тунику, закричал:

– Не могу! Не могу! Уберите! Смерть! Грядёт смерть! Чёрный бог явился под северные небеса... Небеса в огне... Не смотрите ему в глаза! Смерть!

– Юродивый, это юродивый Марк с Аптекарского острова, – проговорил Мессий Ивар.

Несколько зрителей подхватили вопящего человека под руки и попытались вывести из зала. Юродивый упирался и кричал:

– Чёрный бог уже здесь! Бойтесь! Бойтесь!

Марка не без труда вывели, но уже с лестницы юродивый выкрикнул своё «Бойтесь!» так пронзительно, что крик прокатился по огромному зданию до самых перекрытий и под крышей отдался троекратно эхом – будто в литавры ударили невидимые музыканты.

– Смерть уже здесь!

В зале все разом замолкли и съёжились. И оттого, что стало необыкновенно тихо, страшный огонь на полотне сделался ярче, а свет от молнии – резче. Фигуры на картине дрогнули, будто хотели рвануться куда-то – но не смогли, так и остались на месте под дождём чёрного пепла. Только отчаяние, надежда, физическая боль – все вдруг с новой силой отразилось на лицах – гротескно, почти карикатурно.

– Смерть... – То ли сквозняк, то ли дальний крик прошелестел над головами.

Неожиданно блондин с рыжеватой бородкой рассмеялся. И тогда наваждение исчезло – картина сделалась прежней, смолкли и дальние крики юродивого Марка, и шелест неведомого ветерка. А молодой человек выступил вперёд, снял с пальца перстень с крупным алмазом, помахал им над головой, будто хотел продемонстрировать искры, что сыпал вокруг дорогой камень, и, эффектно помедлив, надел кольцо на палец художнику.

– Вот кого нам не хватало! – воскликнул молодой человек с жаром и обнял живописца. – Этого огня, этого неба! Катастрофа, которая поглощает все! Миры гибнут в огне! Но искусство их сберегает!

Посетители жиденько заплодировали. А несколько молодых людей с длинными волосами в сопровождении ярко накрашенных девиц демонстративно направились к выходу.

– Кто это? – спросил префект куратора. – Ты его знаешь? Лицо знакомое...

– Всеслав. Новгородец. Изрядный смутьян и бестолковая личность. Поступал в академию и провалился на экзамене, – добавил куратор.

– Так бездарен?

– Не знаю. Он мне не понравился. Если мне человек не нравится, я ни за что не приму его в академию.

«Пепел глупости падает с неба. И вскоре от нас останется только пустота, – подумал префект. – Спустя сотни лет люди будут глядеть на эту пустоту и дивиться. Но вряд ли им захочется заполнить пустоту гипсом и узнать, какова была её форма».

Гай Аврелий хотел подозвать к себе Всеслава, но почему-то не подозвал... И сам не знал – почему.

II

Всеслав натянул капюшон на самые глаза и, уткнув взгляд в землю, зашагал по улице, обсаженной лиственницами. Часто сеял нудный осенний дождь. Скорей бы уж зима, да непременно с морозцем, со снегом. Тогда можно будет подрядиться строить ледяные дворцы на Марсовом поле – в позапрошлом году Всеслав строил прозрачный, будто из стекла, Колизей.

Что он там орал в академии? Он и сам не понимал, почему пришёл в такой восторг – будто обезумел. На мгновение ему показалось, что холст в самом деле горит, статуи падают и горячий чёрный пепел не даёт дышать. Слав, ты идиот! Сущий идиот! И кольцо зачем-то отдал художнику... А из репортёров никто к тебе так и не подошёл, не задал ни единого вопроса. Были две или три фотовспышки. Но кто поручится, что фотографии попадут в вечерние выпуски? ... Никто.

И значит, Всеслав как будто и не дарил перстня.

Аллея была усыпана обломками веточек, опавшей хвоей и мелкими шишками. Всеславу показалось, что среди мусора мелькнуло ржавое змеиное тело. Мелькнуло, нырнуло в водосток и пропало. Верно, в самом деле померещилось. Лиственницы растут быстро, но взрослеют медленно. Как и сам Всеслав. В двадцать три он чувствовал себя ребёнком.

Юноша поёжился: влага пропитала толстую ткань куртки на спине. Хорошо бы прислониться сейчас к жаркой печке да выпить чего-нибудь покрепче. И Всеслав завернул в ближайшую таверну. «Северная дриада» – значилось на бронзовой вывеске.

Здесь подавали горячее испанское вино с пряностями и сахаром. Вот только денег у Всеслава не было. Утром он решил заложить перстень, а потом неожиданно для себя, следуя внезапному порыву, надел драгоценный перстень на палец художнику. Всеслав сунул руку в карман, извлёк несколько медяков. Да, на такие денежки не погуляешь. Разве что заказать чашу вина. Он повесил куртку на вешалку, сделанную из лосиного рога, откинул назад упавшие на лоб пряди волос, мельком оглядел себя в зеркале и шагнул в зал.

Посетителей для этого часа было изрядно – хорошо в таверне сидеть в такую погоду. Тут и печка жарко истоплена, и борщ истинно огненный, и местный бард, подыгрывая на кифаре, поёт жалостливую песнь о полёгших на Калке ребятушках. Время от времени посетители подносят ему чашу мёда на серебряной тарелке, так что к вечеру он совсем захмелеет. После Калки все как пришибленные ходили, в глаза друг другу боялись смотреть. Впрочем, сам Всеслав этого не видел: он не здесь был – там.

А знает он точно, что там было?

Теперь многие твердят, что поражение было неизбежно: не регулярные дружины пошли на варваров, а случайный люд. Ни Киев, ни Москва, ни Великий Новгород в это дело лезть не хотели. Кликнули добровольцев, пообещали с три короба. Все орали, что винтовки против луков со стрелами враз дело сладят. Новинками военными снабдили – подарили шесть бронемашин, что в Северной Пальмире собрали, – ныне после снятия всех запретов в оружейном деле каждый день новинки. Кто-то наверху решил: добровольцы монголов разобьют, а мы уж потом получим своё, поделим как надо. Дележное дело сладкое, властям привычное. Клялись, мерзавцы, самим Перуном, что победа лёгкая, добыча огромная. А варвары, хитрецы, как встретили добровольцев, так наутёк и пустились. Наши – догонять. И как раз угодили в засаду – степняки в оврагах залегли и новичков дожидались. Только добровольцы подошли, монголы

по ним из винтовок и из гранатомётов как жажнули! Бронемашины загорелись, и ребята в них спеклись, как в консервных банках. Паника началась. А уж коли паника, то все бегут, выпучив зенки. Эх, князья наши всегда уверены в победах! В три дня мечами всех порубаем!.. Вот и дорубались...

Вообще год был страшный. Весной – это поражение. А летом – засуха. Горели леса повсюду, дым заслонял небеса, птицы падали на землю замертво. А для суеверных был особый знак – комета в небе.

Всеслав уже хотел занять ближайший столик, когда увидел у окна старого знакомого, ланисту гладиаторов Диогена. Тот сделал заказ и теперь, нацепив на нос очки, готовился к чтению вестника – встряхивал пухлую стопку страниц, будто лишние буквы отсеивал. В очках и с вестником в руках Диоген совершенно не походил на ланисту – уж скорее на учителя риторской школы: высокий лоб плавно переходил в лысое темя с лёгким курчавым пухом на макушке, на висках и сзади тёмные волосы вились до плеч, а глаза были выпуклые, очень внимательные, с лукавой искоркой в глубине – глаза настоящего философа. На шуйце ланисты недоставало четырех пальцев...

– Будь здоров, Диоген!

– Привет, Слав! – отозвался тот, не поднимая головы и ещё сильнее встряхивая страницы. – Давненько тебя не видел. Присаживайся.

– Что пишут?

– Ничего хорошего. Два дня назад сообщали о беспорядках в Валенсии. А теперь смута в Лютении и Лугдуне.

Принесли кувшин сыченого мёда. Выпили по одной.

Печь, истопленная с утра, дышала ровным ласковым жаром.

– Медок неплох, но с моим в сравнение никакое не идёт, – сообщил ланиста.

– Летом опять боргничал?

– А чего ещё делать? Этим летом боев в амфитеатре не было. Ягодки да грибочки собирал, отдыхал душой от мерзостей цивилизации. Ну и опять же мёд. Тут со мной случай был презабавный. – В глазах Диогена мелькнул хитрый огонёк. Означало это – сейчас ланиста какую-нибудь занятную историйку расскажет. А придумал он её только что, или вправду такое произошло – неизвестно. – Нашёл я огромное дерево и в нем дупло. Выкурил пчёл, давай мёд изымать. И тут трухлявая древесина подо мною и подломилась. Упал я в дупло. А оно глубокое, соты подавил, мёд потёк, я в том меду, как в болоте, тонуть стал. Аж по грудь погрузился. Дёргаюсь, а вылезти не могу. Звать на помощь стал – да кто ж придёт? Так три дня и три ночи в меду простоял. Мёдом питался и уж, прости за подробность, в мёд испражняться приходилось. Такова наша жизнь никудышная – в мёд душистый ср..., и всякий раз по необходимости. И вот стою я в этом меду – рот, борода, лицо, руки, все липкой коркой покрытое. А тут медведь явился, решил тоже медком полакомиться. И стал лезть в дупло задними ногами вперёд. Я не будь дурак, ухватился за его шкуру, завопил дурным голосом, мишка меня из этого меду и вытащил.

– Изумительно, – пробормотал Всеслав, решив к концу рассказа, что Диоген все-таки врёт. Вычитал где-нибудь и теперь выдаёт за своё, пережитое. Числилась за ним такая странная чёрточка. Будто ему его гладиаторских всамделиш-ших подвигов мало, вымышленных захотелось. Где ж он такой анекдотец вычитал? В исторической книге какой-нибудь редкой – наверняка.

– Будешь заказывать? – осведомился официант у Всеслава.

– Не, я так... Вот разве вина. Полчаши.

– Совсем увяз в долгах? Или надо выплачивать виры⁵, наложенные на тебя новгородцами? – тут же спросил Диоген. Не просто так спросил – с интересом. Два года назад предлагал он Всеславу к нему в гладиаторскую центурию идти, большие деньги сулил.

– Виры подождут.

– На Калке небось был? – Диоген усмехнулся. Половины зубов у ланисты не доставало, и потому усмешка получалась особенно глумливой.

– Был, – признался Всеслав.

– И много добычи привёз?

– Не особенно – понос да глистов, да ещё двух зубов лишился. Да змеюга меня на обратном пути ужалила.

– Получили по ушам? Мало получили. Учить вас надо. Учить! А вы ничему-то не учитесь.

– Да не дошёл я до самого *того* места. Я от дружины добровольцев отстал, два дня дожидался новых. Ну и когда подошли к Днепру, на той стороне наши уже драпали. Только мост мы перешли – и сразу назад... Оглянулся, вижу: за мной монгол на здоровенной лошади гонится... И сам такой... меня повыше будет...

– Ты всегда был вралём, Слав, вралём и остался. Монголы все роста невысокого, шести футов воина меж ними и не встретишь. И лошади у них тоже куда меньше наших будут. Может, ты монгола с нашим беглецом перепутал?

– Не знаю, шлем у него точно монгольский был. А потом мост рванули. И монгол исчез. А меня взрывом на этот берег закинуло. Без единой царапины, только контузило слегка. Голова потом долго болела. – Ещё он блевал после той контузии дней десять каждое утро, будто баба беременная. Но про то Всеслав говорить не стал.

– Повезло тебе, Слав, – подвёл итог Диоген.

Юноша согласно кивнул – повезло, кто же спорит.

Тут как раз принесли тарелку с борщом. Всеслав смотрел, как ланиста лихо работает ложкой, и старательно вспоминал все, что слышал про стоическую мудрость в риторской школе. Не помогало – борща хотелось все сильнее.

– На том берегу два дня киевская дружина отбивалась, – напомнил Диоген между двумя прихлебками. – У вас, желторотых, и связи с ними не было. Э-эх!

– Не было, – честно признался Всеслав. – Да я ведь и не за легата и не за связиста. Римляне шли на помощь, да опоздали. Технику сожжённую нашли да трупы наших ребят. Задушили пленных варвары.

– В кучу всех сложили, помост поверх – и уселись пировать, – проявил свою осведомлённость Диоген. – Так и задохнулись раненые наши под помостом.

Всеслав в эту жуть, которую вестники и в Новгороде Великом, и в Северной Пальмире расписывали со всеми подробностями, не хотел верить – не видел никто из репортёров того помоста и на пиру том не бывал. Однако Слав промолчал. Пировали степняки на умирающих или так раненых придушили и ушли, гружённые добычей, – все едино. Но мысль о помосте вызывала ярость.

Принесли испанского вина – как и мечтал Всеслав – горячего, с пряностями. Чаши две. А вот жаркое, как и прежде, – одному Диогену.

– Помянем павших! – Ланиста осушил свой бокал одним глотком, а Всеслав, как ни старался, но и за два глотка осушить не сумел. Только за три.

Всеслав быстро захмелел и почему-то обиделся на Диогена, а за что – не понял. В том, что не ладится жизнь у Всеслава, хотелось кого-нибудь немедленно обвинить. Но кого? Не Диогена, нет, кого-то другого. Может, Оккатора? Тут же представил Всеслав этого мерзкого божка с гадостной улыбочкой на самодовольном личике. Только примерится к делу Всеслав, только

⁵ Вира – штраф.

к чему-то душой потянется – р-раз! И нету ничего... Отнял мерзкий Оккатор, все замыслы порушил.

– А у тебя-то планы какие? – спросил Диоген. – Живописи учиться будешь? Может, в Италию поедешь? Академия, слышал, каждый год в Италию десять человек отсылает.

Больнее уязвить Всеслава вряд ли было можно. Он аж скрипнул зубами. А ланиста вновь усмехнулся, демонстрируя чёрную ямину во рту.

– Нет, учиться не буду. Не хочу – и все. И об этом – тсс... не говорим. Не буду учиться. Я уже учен. Тошнит от учения, – заявил Всеслав.

– Что ж ты делать будешь, друг мой? – с фальшивым участием спросил Диоген.

– В гладиаторы пойду, – сказал Всеслав неожиданно для себя. Будто язык сам, без повеления разума, вымолвил эти слова. – Возьмёшь меня в гладиаторы? Драться – это пожалуйста. Драться я могу. А учиться – ни-ни.

Диоген если и удивился внезапному решению, то вида не подал.

– Дурак ты. И всегда был дураком. Безларник, да ещё дурак – хуже некуда. От таких только жди беды. А дерёшься ты плохо, это я тебе честно скажу. Сейчас все плохо дерутся. И библиотены пишут плохие. И картины.

– Неправда! А «Последний день Помпеи?» Эх, если бы я так мог!

– Сколько у тебя поединков было? Пять? Шесть?

– Пять, – поспешно сказал Всеслав. Про последний, шестой, вспоминать не любил.

– И живой! Ты все-таки в любимчиках у Фортуны ходишь, Слав. Эта переменчивая тётка непутёвых привечает. Ну, выпьем, чтоб и дальше так было. – Они, выпили, обнялись. – Люблю я тебя, глупого. Что тут поделаешь – люблю и все!

– И я люблю, – зачем-то сказал Всеслав, хотя на самом деле к Диогену был равнодушен. И опять выпили, и опять полезли обниматься. Целовались пьяно, взасос. Прослезились. У Всеслава, правда, мелькнула мысль, что Диоген не так уж и пьян, а больше играет пьяного – при его габаритах да опыте он вино бутылками мог жрать и не хмелеть. Но мысль эта цвиркнула и пропала. Однако ж нехорошо как-то стало на душе, будто подглядывал Всеслав за Диогеном и углядел что-то недозволенное.

– Пожалуй, возьму я тебя в гладиаторы, Славушка, – сказал Диоген, стирая пьяную слезу (или делая вид, что стирает). – Думаю, в центурии тебе понравится. Один бой – пять тысяч сестерциев. Причём авансом. Смертельных поединков не боишься?

– Не всегда же смертельные, – беззаботно возразил Всеслав.

– К тому же гладиатор неподсуден. И все старые виры прощаются. И за новые шалости не преследуют, – ланиста подмигнул. – Разве что убьёшь кого... Не на арене.

«Неужто знает про Венеру?» – изумился Всеслав.

В горле застрял противный комок.

«Как я ненавижу Ивара!» – едва не крикнул Всеслав.

Диоген вытащил из кошелька пятитысячную купюру. Бумажки эти с изображением императора Марка Аврелия назывались «аврельками». Но Всеслав всегда произносил уважительно «Марк Аврелий».

– Сегодня накануне сезона, по старинному обычаю, пир бесплатный в нашей таверне – в «Медведе», значит. Угощение отменное. – Диоген помахал купюрой в воздухе и усмехнулся. – В этом году бои особенно популярны. Впрочем, бойцы все – так себе... кроме, может быть, одного или двух. Прозвище у тебя будет Сенека, – сказал Диоген. – Нравится? Знаю, что нравится. Приходи сегодня. Я жду. – И он вновь взялся за вестник, разом потеряв к собеседнику интерес.

Всеслав понял, что попался в примитивную ловушку. И зачем он пошёл в гладиаторы? Тем более сейчас, когда на арене убивают. Хотел в Академию художеств, а угодил на арену.

Глупо. Только теперь он заметил, что держит ладонь на рукояти меча, будто собирается с кем-то биться. Фыркнул, мотнул головой и разжал пальцы.

«Биться будешь завтра», – сказал сам себе.

Ему вдруг все показалось ненужным и нелепым: и жажда славы, и обиды, и мечта об академии, похожая на мечту об арене. Ему захотелось отказаться от всех мечтаний, от всех надежд, от всех желаний, наконец... Но сил, чтобы отказаться, не было.

III

Гай Аврелий не поехал в базилику, а из академии направился напрямик к себе домой. Настроение у него было мерзейшее. Сообщения из Рима не радовали, о происходящем в мире не хотелось думать. Да и в самой Северной Пальмире что-то назревало. Но вот что – этого Гай Аврелий пока не знал. Окружающие ввали на каждом шагу и играли в свои тайные игры.

Сквозь дождь смотрелось на мир, как сквозь мутноватое стекло. Дальнее становилось близким, близкое – незнакомым. Весь мир был не отмыт, а вымочен, измотан непрерывной капелью. Деревья облетели до времени, и в мире остались две краски – белила да виноградная чёрная. И тот, кто создал этот мир, лучший живописец на свете, пользовался ими виртуозно – серое прикидывалось то жёлтым, то бурым, то претендовало на голубой, но стоило всмотреться, как оставался только чёрный и все его оттенки, полученные в разбеле. Гранитные фундаменты, для которых летом подошла бы сиена жжёная, теперь сделались равнодушно-серыми. На причудливых завитках кованых решёток прозрачными виноградинами висели дождевые капли.

Выбираясь из машины, префект поддёрнул тогу. Но слишком поздно: край успел искупаться в луже на мостовой. Слабый пальмирский грунт постоянно проседает, и как ни старайся мостить дорогу, где-нибудь непременно образуется лужа. Гай Аврелий брезгливо тряхнул рукой, край тоги вновь провис, и мокрая ткань волочилась по мозаичному полу, пока префект поднимался по лестнице мимо мраморных львов. Гай Аврелий подумал о горячей ванне и ускорил шаги. Войдя в атрий, он тут же бросил мокрую тогу на руки подоспевшему слуге и спросил, готова ли ванна.

– Ванна готова, но... – Секст запнулся, что с ним бывало редко.

Префект нахмурился и посмотрел на старика с удивлением.

– Тебя в большом таблине ждут два посетителя, – пояснил Секст.

Это было прямым нарушением заведённого порядка – посетителей Гай Аврелий принимал лишь в своей базилике. И Секст никогда прежде не решался послушаться хозяина. Видимо, были у Секста какие-то особые причины. Гай Аврелий вспомнил о корректоре из Рима, которого Бенит отправил срочно ввести новые порядки в далёкой колонии. Префекту сделалось так тошно, будто он опять нарядился в мокрую, липнущую к телу тогу. Он даже засомневался – не принять ли сначала ванну, заставив человека Бенита потомиться в таблине, но передумал – вся прелесть купания будет отравлена мыслью о предстоящей встрече. Лучше поскорее закончить неприятное дело, выпроводить гостей, и уж тогда искупаться и пообедать. Для себя он решил ни под каким видом не приглашать этих проходимцев к столу.

«О, времена!» – хотелось ему воскликнуть, как Цицерону. И почему в Риме терпят этого Бенита? Ещё весной ожидал Гай Аврелий, да и многие ожидали, что Бенит слетит с курульного кресла. Но ожидаемое не сбылось, Бенит усидел, будто прирос намертво. Неужели он так и будет диктаторствовать год за годом, десятилетие за десятилетием? Ужасно. Вдруг представилось Гаю Аврелию, что нормальной жизни на своём веку он уже не дожждётся. И такая тоска взяла его... Хоть бери кинжал и вены режь, лёжа в тёплой ванне. Вода сразу делается алой... Ну вот, теперь и мысль о горячей ванне отравлена. Гай Аврелий тяжело вздохнул и направился в большой таблин.

Гости сидели в креслах, ожидая. Один у окна, другой – возле стола, развалившись в непринуждённой позе. Роба у этого второго была самая что ни на есть наглая – такие физиономии часто встречаются среди прихвостней Бенита.

– Квинт Приск, – сказал обладатель наглой физиономии, поднимаясь навстречу префекту.

И ничего не добавил. Просто Квинт Приск, как будто Гай Аврелий должен знать, кто такой Квинт Приск. Префект задумался, пытаясь припомнить, не мелькало ли это имя на страницах «Акты диурны», и ему почудилось, что да, мелькало, вот только он не мог представить, когда. И главное, в связи с чем.

Так ничего и не вспомнив, Гай Аврелий повернулся ко второму посетителю, решив, что тот может как-то прояснить ситуацию. На госте была тёмная тупика, брюки и башмаки с высокими голенищами, со шнуровкой. Шею незнакомец обмотал пёстрым платком. Наверняка простыл, как только прибыл в Северную Пальмиру. Здесь постоянно половина горожан чихает и кашляет. И, будто в подтверждение префектовых мыслей, гость чихнул.

– Да благословит тебя Юпитер, – автоматически сказал префект.

– Хорошо бы он нас всех благословил, – тут же сострил Квинт Приск.

А его приятель поднялся и произнёс странным металлическим голосом:

– Гай Элий Перегрин.

Аврелий растерянно заморгал, вглядываясь в лицо Перегрин. Странное имя. Клиент бывшего Цезаря? Префект едва не ляпнул это вслух. Но вовремя прикусил язык. Догадка была почти безумной. И все же... Перед ним был человек неопределённого возраста, почти совсем седой, с измождённым лицом. Посетителю могло быть и тридцать, и пятьдесят – резкие складки возле носа и рта, морщины на лбу, глубоко запавшие глаза, кожа от природы бледная, но сожжённая загаром. И все же сквозь все морщины, загар и седину, как сквозь наскоро сработанную маску, проглядывало знакомое лицо.

«Неужели в самом деле он?» – Гай Аврелий судорожно сглотнул, потому что на месте желудка образовалась противная пустота.

Неужели... Как быть? Назвать гостя самозванцем или признать, или... Как только Бенит узнает... никому не говорить... спрятать... подготовиться... выяснить точно... Нехороший момент, неудачный. А Бенит наверняка узнает. Не надо, не надо было приезжать сюда Элию.

Все эти мысли почти одновременно пронеслись в голове префекта.

– А я слышал, ты уехал в Альбион, – сказал Гай Аврелий, кашлянув. Зря сказал. Гость непременно истолкует его слова как вежливое предложение убраться. Префекту хотелось, чтобы Элий убрался. Хотелось, да... но при этом он понимал, что *должен* попросить бывшего Цезаря остаться.

– Был там, но очень недолго, – отвечал гость своим странным голосом. – Но хочу поселиться здесь. И прошу на то согласия твоего, префект.

– Голос сильно изменился, – сказал Гай Аврелий.

Префект должен был проявить недоверие. Если человек, считавшийся так долго умершим, явился к тебе в дом и заявляет, что он – отец малолетнего императора Постума, префект Северной Пальмиры совсем не обязан в это верить. Вместо ответа Элий развязал платок, так что стал виден безобразный шрам на шее. Гай Аврелий кашлянул, зачем-то кивнул и сел за свой стол. И опять не знал, что сказать. Сидел, играл золотым стилем и теребил лист белой плотной бумаги. В теплом уютном табличке вдруг сделалось ему зябко, и он передёрнул плечами.

– Рад, что ты решил прибыть именно в Северную Пальмиру, – выдавил префект через силу. – Ты и...

– Квинт Приск – мой друг, он освободил меня из плена, – сказал бывший Цезарь, будто и не заметил, что префект забыл имя.

– Я так и думал, что он твой друг, – кивнул Гай Аврелий, – судя по тому, как он себя ведёт. У вас есть где остановиться?

– Есть, – сухо отвечал Элий.

– Ты понимаешь, что Бенит не будет в восторге от твоего пребывания в Северной Пальмире? – спросил Гай Аврелий.

– Как это не будет в восторге?! – хихикнул Квинт. – Да он просто сойдёт с ума от радости.

– Если я буду жить в Северной Пальмире, мы должны выработать тактику поведения по отношению к Бениту, – сказал Элий.

Гай Аврелий отшвырнул стило. Ему не понравилось это «мы». Оно означало, что префект уже зачислен в союзники Элия и автоматически сделался заклятым врагом диктатора Бенита. С наскока такие вопросы не решают. Надо подготовить почву, отыскать нужных людей, и тогда... Но это же шанс! Несколько минут назад префект с госкою думал, что всю жизнь придётся подчиняться подонку Бениту. И вдруг оказалось, что выбор есть. Или нет никакого выбора? То есть Бенит выбирал, толстосумы в Новгороде судили-рядили, Элий тоже что-то для себя решал, ну а он, Гай Аврелий, подчинится тому, кто окажется сильнее...

«Не терять головы, ни в коем случае не терять головы», – остерёг префект сам себя.

Ему даже почудился запах опасности, будто кто-то поджёг в табличке бумагу.

– Прежде всего, никто не должен знать, кто ты, – сказал Гай Аврелий, невольно понижая голос. – Ни с кем пока не вступать в контакты от собственного имени. Ни при каких условиях. Летиция тоже приехала?

Элий отрицательно покачал головой.

– А приедет?

– Не знаю.

Последовала пауза, длинная и неловкая.

«А ведь правду говорят, что она бросила Элия и исчезла, – подумал Гай Аврелий. – Он – перегрин, она – Августа. Ни одна женщина такого не стерпит».

– Деньги есть? – спросил префект резко, почему-то все сильнее злясь на Элия. Чего этот человек от него хочет? Чего он вообще от всех хочет?

– У меня достаточно средств.

– Очень хорошо. Если что-то понадобится, обращайся прямо ко мне. Я дам свой личный телефон. К тому же Секст будет в курсе дела. Есть какие-нибудь планы?

– Пока никаких. – Казалось, Элий поддерживает разговор через силу.

– У меня есть, но слишком безумные, – отвечал Квинт, решив, что удачно пошутил. – Но это лучше, чем ничего.

– Жаль, что я не могу окружить тебя почестями, достойными бывшего Цезаря...

– Таков путь изгнания, – прервал префекта Элий.

– Но тебя не приговаривали к изгнанию, – заметил префект, внезапно обидевшись не за себя – за свой город. – Уже давно пребывание в Северной Пальмире никто не рассматривает как изгнание. Это же не пустыня какая-нибудь.

– Я был в пустыне, – отвечал Элий. – В пустыне проще. А здесь... Вокруг меня люди, они чем-то заняты, куда-то спешат, работают, развлекаются, смеются. А между нами – стена, как будто в прозрачном карцере. Я – мёртв, они живы. Это больше, чем в пустыне.

– Нам здесь нравится, мы в восторге! – тут же попытался исправить оплошность хозяина Квинт. – Лучше твоего города только Вечный город, да и то потому, что там дождей меньше.

– Мне нравится, когда идут дожди, – сказал префект вызывающе, хотя раньше не замечал за собой подобной тяги к сырости.

– Мне тоже, – поддакнул Квинт, – но вот у Элия в сырую погоду болят ноги.

– Нам пора, – Элий поднялся. – Я рад, что мы союзники, совершенный муж.

– Я тоже рад, – спешно отвечал Гай Аврелий. Неловкость все возрастала. В табличке делалось неуютно и тесно. Каждое слово, каждый жест задевали.

«Сейчас лягу в тёплую ванну», – подумал префект.

И вдруг спросил напоследок против воли насмешливо и дерзко:

– Ты уже сочиняешь свой библион? В изгнании всегда пишутся самые хорошие книги. Элий не ответил. Но Гаю Аврелию показалось, что бывший Цезарь смутился.

IV

Всеслав давно выделил их в толпе. И теперь шёл следом. Заметили? Нет? Неважно. Он шёл и не мог отстать. Как будто за девчонкой увязался. Будто поманила, стрельнула глазками, и он припустил следом. Хотя эти двое были мужчинами, причём немолодыми.

Римляне. Обмануться Всеслав не мог: их латынь была безупречна. Это в самом деле римляне, а не какие-нибудь германские торговцы, года три или четыре назад получившие право носить тоги. Тот, что помоложе, – темноволосый и гладко выбритый, в красной шерстяной тунике. Второй – пожилой (лет что-то около сорока, а возраст этот казался Всеславу безумной временной далью и почти что старостью), седовласый и худощавый. На Всеслава римляне внимания не обращали. Тот, что помоложе, что-то втолковывал своему товарищу. Седой молча слушал. Внезапно седой оглянулся. Взгляд его будто царапнул по лицу, и Всеслав даже подался назад. Этот профиль. Это лицо! И прищур серых глаз. Сколько раз Всеслав видел это лицо на портретах. Куда моложе, без складок и морщин. Другой бы не узнал... Но художник, пусть и несостоявшийся, не мог обознаться. Это *он!*

Будто чья-то сильная, холодная и властная рука толкнула Всеслава в спину. Юноша ринулся вперёд, рассчитывая налететь и сбить седого с ног. Как бы случайно. Но не вышло. Почему-то он налетел не на седого, а на его товарища. И сам Всеслав потерял равновесие и очутился на мокрой мостовой, а черноволосый навалился на него сверху. Силён был римлянин, но и Всеслав не слаб. Так боролись они несколько секунд, юноша сумел подняться, но черноволосый вновь его повалил.

– Отпусти его, – приказал седой.

Квинт неохотно повиновался.

– Прости, – пробормотал Всеслав, поднимаясь и отряхивая перепачканную куртку, – я за девушкой побежал, за любой своей, и вот, неуклюж больно! – врал он довольно правдоподобно. Он заметил, что черноволосый держится за рукоять кинжала, а седой хмурится. Своей выходкой он незнакомцев напугал, причём сильно. – Вы ведь из Рима, так? А я всю жизнь мечтал быть римлянином. Кстати, я по усыновлению римский гражданин. Но это неважно. Главное, я – римлянин душой. – Его латынь была почти безупречна, и все же незнакомцы приметили акцент. Всеславу показалось, что именно акцент их успокоил. Во всяком случае, тот, что помоложе, снял ладонь с рукояти кинжала. – Вы недавно из Рима – это видно. И устали с дороги – это тоже видно. Но я рад вам услужить и помочь, чем могу.

– Странно ты предлагаешь помощь, – прервал его излияния седой римлянин.

– Думаете, что я какой-нибудь надоеда или соглядатай, которому «Целий» платит по два асса в сутки? Вот и не угадали! Моё настоящее имя – Всеслав. Учился в риторской школе в Северной Пальмире. Несостоявшийся художник и дружинник, тоже несостоявшийся.

Римляне переглянулись очень выразительно, будто спрашивали о чем-то взглядами и взглядами друг другу отвечали.

– Видели новую картину в академии? Так это я художнику идею подсказал... Честно – я. Это красное небо и падающие статуи – мои... Хотя автор теперь ни за что в этом не признаётся. – Всеслав болтал, не в силах остановиться. – Можно вас на обед пригласить в порядке компенсации?

- Какой обед? – оживился Квинт.
- Сегодня вечером. В таверне «Медведь».
- Мы придём, – сказал седой, хотя юноша и не надеялся, что тот согласится. А может, он согласился лишь для того, чтобы от Всеслава отвязаться?...

Они ушли, а юношу охватила досада. Что он такое болтал? Глупости какие-то. А вдруг этот седой римлянин подумал, что Всеслав дурак и надоеда? Вдруг подумал... Он подумал! Юноша почувствовал, что щеки его пылают. Нет, такого Всеслав не переживёт. От чувства неловкости все переворачивалось внутри.

- Ненавижу! – выкрикнул Всеслав как приговор – неведомо кому и за что.

V

- Ты специально выбрал эту гостиницу, или просто попалась? – Квинт огляделся.

Гостиница, впрочем, была не самая худшая, а из ближайшей таверны неслись аппетитные запахи. Квинт подумал, что хотел бы сейчас служить на кухне, резать мясо или обжаривать на огромной сковороде золотистый лук. И, сооружая из паштета фигуру грифона, подмигивать румяной подавальщице. Да, кухня – место тёплое и сытное. Мечта бродяги, который таскается за своим господином из города в город. Прячется, вынюхивает, дерётся, примитивно шутит. А вечерами проигрывает мелким жуликам пригоршни сестерциев в кости. Разумеется, когда есть деньги. А деньги теперь у них есть далеко не всегда. Вот и сейчас в карманах одни медяки.

- Просто попалась, – меланхолически отвечал Элий. – Гостиница эта, конечно, не Паладин. Но и мы персоны незаметные. Зато дёшево.

По деревянной лестнице они поднялись в комнатёнку, где имелись два ложа, столик да шкаф. Квинт повернул выключатель, но лампа не загорелась – комнатка экономно освещалась светом фонаря, болтающегося как раз напротив окна. Занавесок на окне не было.

- И то правда, – пробормотал Квинт. – С деньгами-то у нас, как бы это выразиться помягче... да что там говорить – с деньгами у нас фекально. Это словечко теперь популярно. Или ты не замечал? Гладиаторский жаргон.

- Фекально, – повторил Элий.

– Да, я и говорю, что денег у нас почти не осталось, ну, может, два сестерция, может, три. Ну разве это деньги?! А ты имел глупость отказаться от помощи префекта.

- Он не предлагал помощь.

– Разумеется, он о деньгах заговорил из вежливости. Но неужели нельзя хоть раз быть не вежливым, а наглым и взять несколько тысяч?

- Не у префекта.

– Ладно, хорошо, нас на даровой обед пригласили. Обед нам не помешает. – И в подтверждение сказанному в животе у Квинта громко забурчало. – Неужели надо было...

- Замолчи! – оборвал его Элий.

– Молчу. Что ж мне ещё остаётся? Бывший Цезарь и муж самой богатой женщины Рима сидит в мерзкой гостинице и даже не знает, где будет обедать завтра... Сегодня, подозреваю, мы постимся.

- Летиция мне теперь не жена.

– Да, фекальный закон. Ох, прости! Справедливый, мудрый закон! – хмыкнул Квинт. – По которому муж и жена больше не считаются мужем и женой, если несчастный угодил в плен.

– Справедливый закон, – подтвердил Элий без тени иронии, расстилая сероватую простыню на своём ложе. В двух местах простыня была прорвана. – Тем более справедливый, что Летиция меня бросила.

– Бросила! А ты уверен? Я бы на твоём месте её отыскал. Элий, ты старше её почти на двадцать лет. Ты должен учить жену жизни, руководить наивной душой. А что у тебя с Летицией получается? Позволяешь девчонке все, а она вертит тобой, как хочет.

– Не будем об этом.

– Ты должен отыскать её и объяснить, что она не имеет права так поступать. Не имеет права – и все. Что минутный каприз – не повод все рушить. И заодно взять у неё на свои нужды миллион или полтора. И тогда нам не придётся сидеть в этой вонючей дыре.

– Летиция оставила мне дарственную и ключи от дома.

– Ага, видел. Старая развалюха, которая требует ремонта. И там нет ни воды, ни тепла.

– Я лишён воды и огня.

– Но не в прямом же смысле слова!

– Не будем больше спорить. Лучше отправимся обедать. Нас звали в «Медведь». Там сегодня угощают.

Все это Квинту не нравилось. Ему вообще в последнее время мало нравилось поведение хозяина. Опять Элий что-то задумал. И от этих замыслов Квинта бросало в дрожь. «Старого фрументария» неожиданно охватила злость. Элий хочет скрытничать? Пусть. Пусть строит ледяные дворцы, пусть усердствует. Квинту какое до этого дело? Он глубоко вздохнул, но злость не прошла. Какая-то ерунда получается. Они все время сражаются, все время борются. Не просто борются – надрывают жилы. И каков итог? Вместо того чтобы двигаться вверх, падают в бездну. Едва удаётся где-нибудь остановиться, зацепиться и – крак! – новый срыв и новое падение. И так без конца. А чему удивляться? У пропастей не бывает дна – лишь прозрачные перегородки, которые наивные люди всякий раз принимают за вышеозначенное дно, и всегда удивляются, когда перегородки рушатся. Последние два года они суетились, куда-то рвались, что-то начинали и бросали, вечно торопились, переезжали, строили планы, искали союзников, надеясь одолеть Бенита. И вдруг поняли, что одолеть Бенита уже не удастся. Но ощущение внутренней суеты осталось.

Однажды утром, в очередной раз собираясь в дорогу, Квинт нашёл брошенное в очаг письмо. Пламя лишь облизало бумагу по краям, и Квинт разобрал несколько строк: «...я взял деньги и теперь возвращаю долг. – Письмо начиналось с середины, видимо, первую страницу Элий все же уничтожил. – *Помни о сроках: ты должен выдержать год, и ни днём меньше. Никому ни слова. Даже не намекай. Тебе придётся пролить кровь – без этого не обойтись. Прими мои условия, и все исполнится наконец. Звезда Любви спустится на землю. Теперь все зависит от тебя*».

Подписи не было.

На душе у Квинта после прочтения этого письма сделалось мерзопакостно. Фрументарий ни о чем не стал спрашивать Элия. Он просто констатировал факт – он теперь все больше констатировал факты. Просто потому, что выводы было делать слишком тяжело. Всё утратило смысл, все замыслы, все планы. Есть один план – прожить сегодняшний вечер. И, возможно, ночь. И если наступит утро – это будет почти удача.

– Я просто устал, – сказал Квинт вслух.

– Тогда тем более тебе нужен хороший обед. Пойдём. – Элий тронул его за плечо.

Квинту показалось, что Элий говорит с ним каким-то виноватым извинительным тоном. А что если спросить, кто написал письмо? Вот так, в лоб: ответь, чью кровь тебе надо пролить? Но Квинт не стал спрашивать.

VI

В таверне «Медведь» был большой отдельный триклиний. И хотя шерстяная ткань на ложах изрядно засалилась и блестела, а фрески на стенах давно облупились, запах жаркого

заставил ноздри Квинта плотоядно дрогнуть. В отдельном триклинии обедали. Из девяти мест было занято только семь. Распоряжался за столом крепко сбитый мужчина с тёмной бородой, лысым теменем и бахромой выющихся волос до плеч. Среди обедающих Квинт сразу приметил Всеслава. Тот вскочил, подошёл к распорядителю и сказал ему несколько слов. Тут же принесли ещё две тарелки и две чаши. В «Медведе» ели по-старинному – руками, а пальцы вытирали о льняные салфетки.

– Вас приглашают пообедать, – Всеслав указал на два пустующих места.

– Замечательно, я только об этом и мечтал, – хмыкнул Квинт и подозрительно покосился на Элия. – А тут бац – и уже зовут. И кто же наш благодетель?

– Диоген.

– Да? Никогда не думал, что Диоген может кого-то угостить обедом. Кажется, у него ничего не было, кроме его пифоса. А впрочем, ерунда. Пусть угощает Диоген. Лишь бы нам хватило мяса. Неплохой обед, Всеслав. Ты так обрадовался нашей встрече пару часов назад, будто ты мой незаконнорождённый троюродный брат. Я спешно начал вспоминать свою родословную, но, признаться, мало что вспомнил.

– Здесь я Сенека, – сообщил юноша, нисколько не обидевшись на слова Квинта.

– Да? Сенека – он писал очень умно, а поступал глупо. Я, признаться, на досуге пытался разобраться, почему так происходит, но не сумел. Так что моё имя звучит просто и без тайного смысла – Квинт Приск, и все. Раньше я часто менял имена, но с годами это приелось. Моего друга называй Перегрином. Хотя я подозреваю, что он хочет подыскать себе кличку более звучную.

И хотя места за столом у них оказались не особенно высокие⁶, новым гостям тут же подали жаркое, уже разрезанное и политое соусом. Квинт проглотил кусок мяса почти не жуя. Все обедающие ели молча, иногда обмениваясь ничего не значащими фразами. Хозяин был щедр. Казалось, блюда никогда не иссякнут. И вино подавалось отменное – слишком хорошее для такой дыры. Подозрительно, когда в дешёвой таверне подают столетнее вино. Вдвойне подозрительно, когда к столу зовут чужих – не родню, не клиентов – и кормят и поят до отвала. Квинту происходящее все больше и больше не нравилось. Что-то ему напоминала эта шикарная трапеза. Он поглядывал на Элия, но тот был безмятежен. Это означало, что Элий принял важное решение. И готов его воплощать.

– Как зовут остальных? – спросил Квинт у Сенеки.

– Вон тот – Сократ, – указал Всеслав на подвижного невысокого крепыша. В рыжей шевелюре Сократа мелькали серебряные нити, хотя годами он был отнюдь не стар.

– И как поживает твоя философия, Сократ? – поинтересовался Квинт.

– Бедно, как всегда, – засмеялся рыжий, весёлый взгляд его голубых глаз скользнул по новичкам, будто ища, за что зацепиться.

– Попробуйте, это колбаски нашей местной фабрики «Аквилон»⁷, – порекомендовал Всеслав принесённые официантом закуски.

– После того как их съешь, северный ветер гуляет по кишкам, что ли? – подивился Квинт.

– Нет, – смутился Всеслав. – Просто «Аквилон» звучит красиво. Да и Горация все в школе читали...

Колбаскам отдал должное Квинт.

– Никогда не думал, что покойники так хорошо обедают, – ухмыльнулся Квинт. – Коли так, то зря мы боимся смерти.

⁶ Каждое место за столом считалось высоким или низким не по реальной высоте, а в смысле положения и уважительного отношения к гостю.

⁷ Аквилон – северный ветер.

– Что значит «боимся смерти»? – тут же вцепился в собеседника Сократ. – Жить и каждую секунду бояться?

– Бояться, когда она смотрит тебе в лицо, – уточнил Квинт. – Кстати, что ты пьёшь, Сократ? – Он приметил, что Сократ подливает себе из солидной бутылки прозрачную жидкость. Уж не воду ли? Но от этой «воды» глаза Сократа с каждым глотком блестели все веселей.

– Я? Сок цикуты, что же ещё!

– А нельзя ли и мне? – Квинт протянул свою чашу. – Сок цикуты – мой любимый напиток.

– Э, нет! – Сократ спешно убрал бутылку. – Яд новичкам не наливаю.

– А я – Платон, – представился молодой парень с очень широкими плечами и с незажившим шрамом на лбу.

– Надо же, сколько знаменитостей, – пошутил Квинт, испытывая все большее беспокойство.

– Меня даже в Риме знают, – заявил Платон заносчиво – ему не понравился насмешливый тон Квинта.

Какой обидчивый! В самом деле философ? Но на интеллектуала не похож – лицо плоское, нос сломан. Уж скорее он... Квинт поперхнулся, потому что в эту минуту начал догадываться, что означает эта обильная трапеза и эти странные клички. И ему сделалось нехорошо. Причём очень нехорошо. Он хотел подняться и бежать в латрины, опасаясь, что его вырвет. Но тут беспалая шуйца Диогена опустилась ему на плечо, пригвоздив к ложу.

– Раз в год наша центурия устраивает обед в этой таверне, – сказал Диоген. – Сегодня как раз такой день.

– Центурия? – отозвался Квинт севшим голосом. – Я вижу семерых...

– Это сухой остаток. Теперь я набираю новых. А выбирать не из кого. Так что вам повезло, ребята, и вы двое приняты. – Тёмные, навывкате глаза смотрели насмешливо. Квинт подумал, что настоящий Диоген именно так и должен был выглядеть. Даже бочка нашлась – стояла в углу. Только здешняя дубовая, а не глиняный пифос, в которой жил когда-то знаменитый киник.

– Что за центурия? – спросил Квинт. Элий по-прежнему молчал.

– Центурия гладиаторов.

– А, – только и выдохнул Квинт.

Последовала пауза. Диоген ждал. Слышно было, как потрескивают дрова в печи да в соседней комнате какой-то перебравший гость горланит песню о полёгших на Калке ребятах.

– Никогда не мечтал об арене, – признался Квинт. – Неужто там здорово?

– Я когда-то был вторым бойцом в римской центурии, – произнёс Элий.

– Все мы когда-то были хоть куда, – усмехнулся Диоген и поднял шуйцу, на которой остался лишь один большой палец. – Я – ланиста, – добавил Диоген, – но, бывает, выхожу на арену надрать задницу какому-нибудь лопуху зеленому. А на что ты способен, Марк Аврелий, посмотрим завтра, – обратился он к Элию. – Нравится прозвище? Я думал кликать тебя Гаем Гракхом, но передумал. Чтобы сражаться на арене, надо быть философом.

– А почему мы, собственно, должны драться? – возмутился Квинт.

– Да потому что вы уже два часа сидите здесь и непрерывно жрёте.

– Что – платить жизнью за обед? Что я, Апиций какой-нибудь?

– Получите сегодня по пять тысяч сестерциев. И ещё по пять – за каждый поединок, плюс призовые за победу. Неужто мало, учитывая, что все вы, ребята, бойцы никудышные?

– Но мы не подписывали контракт, – не унимался Квинт.

– Обед – и есть контракт.

– Нас не предупредили! Перегрин, скажи, что это свинство. Протестую... Я... я в суд подам.

- На меня – в суд? – Диоген захохотал. – Да ты, парень, давно, видать, по ушам не получал.
- Я согласен, – сказал Элий.
- А я – нет!
- У нас на арене редко убивают, – подмигнул Квинту Сократ и вновь налил из таинственной бутылки в свою чашу. И Платону налил. – Видишь, из сотни уцелели семеро. Да и то не все погибли, многие были ранены, другие сбежали. Выбыли, так сказать, досрочно.
- Я тоже хочу уйти досрочно! – Квинт вскочил.
- Хорошо, плати за обед и проваливай.
- Но у меня нет денег.
- Твой друг заплатит своим авансом за твой обед.
- Пять тысяч за обед в такой дыре?!
- Это не дыра, это «Медведь», таверна гладиаторов, – отвечал Диоген невозмутимо. – И, кстати, куда лучше твоего римского «Медведя» – я там бывал.
- Элий, ты что, остаёшься? – возопил Квинт. Элий не повернул головы, лишь сказал:
- А что делать? Кто-то должен платить. Так что присаживайся. Ещё не подавали десерт. Кажется, прежде ты любил десерты.
- Любил, вроде бы, – вздохнул Квинт. – Но сейчас у меня пропал аппетит. Я устал. Устал от твоих идиотских вывертов. – Он медленно опустился на ложе. – Это слишком даже для тебя – выйти на арену и принять участие в смертельном поединке.
- Квинт взял кусок бисквита и принялся жевать. Уж коли Элий платит своей кровью за этот обед, то надо есть. И съесть все, что подали. Не пропадать же десерту...
- Боюсь, что меня стошнит, – признался Квинт.
- За все заплачено! – рявкнул Диоген – как видно, слух у него был отменный. – Даже за подтирку блевотины, которую ты извергнешь.
- Почему человек извергает блевотину, как ты думаешь, Квинт? – спросил Сократ.
- Чтобы боги могли увидеть, как мерзок человек, и насладиться своим неизмеримым превосходством.
- Душа протестует, – Платон потёр рану на лбу. – Поверь моему опыту.

VII

Всеславу как третьему сыну в семье получать в наследство было практически нечего. Правда, отец обещал пожаловать младшего клочком земли из своих угодий, но Всеслав подозревал, что это окажется какое-нибудь клюквенное болото. Всеслав думал об этих будущих плантациях клюквы с безысходной тоской, потому что сделать с ними он ничего не мог, а продавать лихим людям для дальнейшего истребления (для чего же ещё можно скупать подобные земли?) считал преступлением.

Однако правду говорил Диоген – любила непутёвого парня Фортуна.

Хозяйка риторской школы, потерявшая сына под Нисибисом, оставила Всеславу все свои сбережения, дом и огромную библиотеку как самому любимому ученику. И, кроме того, по завещанию она его усыновила. То есть Всеслав получил в придачу ко всему римское гражданство. За что старуха любила Всеслава, юноша так и не понял – был он и ленив, и капризен, и в учении не блистал. Но старуха всякий раз при встрече норовила погладить его по голове или поцеловать в щеку. И шептала: «Когда люди безумствуют, боги слепнут. Когда боги слепнут, из бездны приходят искры мирового пожара». А потом она снимала очки с толстыми линзами и долго-долго протираала стекла, время от времени разглядывая сквозь них маленький, заросший кустами сирени перистиль. Всеслав поначалу думал, что одинокой вдове он напоминает погибшего сына, пока не увидел в малом таблине писанный маслом портрет. Между золотоволосым уроженцем Новгорода и смуглым юношей из Кампании сходство трудно было отыскать.

После смерти покровительницы Всеслав хотел учиться в Академии художеств, даже нанял учителя для подготовки, но и от этой мысли скоро отказался. В те дни он частенько наведывался в мастерскую к будущему автору «Последнего Дня...» – да что толку? Писать так, как писал этот художник, не получалось. Вполовину так не получалось. Даже на четверть...

Однако Всеслав попробовал поступить в академию. Попробовал, но провалился. Несколько дней спустя Всеславу рассказали, что куратор академии Мессий Ивар лично выбросил его рисунок в урну, заявив громко при всех:

«Бездарен!»

А на том рисунке алое зарево заливало небо и падали с крыши храма статуи.

«Плевать я хотел на Ивара!» – воскликнул Всеслав.

И возненавидел куратора академии ненавистью самой пылкой.

Полученное наследство давало счастливую возможность жить, как захочется. И новый римский гражданин начал жить по-римски. То есть интересовался всем на свете, посещал пинакотеки и спектакли, каждый день устраивал пиры и искал клиентов. Клиенты нашлись мгновенно – сразу пятнадцать человек. Люди попались все как на подбор остроумные. Не слово молвят – яхонт драгоценный обронят. И каждый на Всеслава не нахвалится, каждый на юного патрона, как на картину бесценную, не налюбуется. Через месяц число клиентов удвоилось, через два месяца все желающие уже не могли поместиться в просторном атриум. За эти три месяца юный римский гражданин уверился, что он самый умный, самый смелый и самый красивый мужчина не только в Северной Пальмире, но и на всей земле. Паразиты клялись, что Сократ рядом с Всеславом – деревенский дурень, а Юлий Цезарь – провинциальный центурион. Паразиты и прозвище ему дали «филоромей» – то есть любящий римлян. Прозвищем этим Всеслав очень гордился. Три месяца он был в курсе всех городских сплетён, финансировал с десяток безумных проектов, завёл с десяток любовниц и (если только можно было верить этим красоткам) зачал штук двадцать детей. Всеслав так и не понял, на что ушли деньги, – на пиры, на любовниц или на строительство культурного центра. Через полгода он лишился и средств, и дома, и библиотеки, был обвинён в укрывательстве преступника, неуплате налогов и подделке долговых обязательств. Провёл месяц под арестом, пока отец прилагал все усилия, чтобы выволить его из темницы и спасти остатки имущества. Из карцера Всеслав вскоре вышел, но состояние потерял – все, до последнего асса. Опыт римской жизни привёл Всеслава в недоумение, но не охладил его любви к Риму. Во всем мерзкий божок Оккатор виноват. Чуть что задумает человек, какое дело начнёт ладить, тут же явится Оккатор и все расстроит. Фортуна одарит, а Оккатор отнимет. Так они вдвоём над человеком и потешаются. Как сегодня: Оккатор перстень отнял, Фортуна к ланисте Диогену привела.

Прошедший день был бесконечен и переполнен событиями, как «Илиада». Утром – посещение академии. Потом – заключение договора с ланистой, встреча с римлянами. Обед с гладиаторами не заслонил пылающее небо Помпеи. Всеслав был уверен, что картина как-то причастна к его решению стать гладиатором. Он не мог сказать точно, зачем вступил в центурию. Безвыходность, безденежье? Все это не причины, чтобы подставлять своё тёплое тело под смертоносную сталь. Он будет драться на арене с Элием. Знаменитый гладиатор и бывший Цезарь Империи! У Всеслава все внутри переворачивалось при одной мысли об этом. Он будет соперничать с самим Цезарем! И вдруг ощутил, как вместе с восторгом и преклонением в нем вскипает чёрной пеной... ненависть.

Она захлёстывала, душила, сдавливала сердце и горло. И в то же время она казалась какой-то чужой, посторонней, непонятной. Чужая ненависть... И Всеслав ничего не мог с ней сделать. Он лишь ускорял и ускорял шаги, надеясь убежать от внезапного бешенства. Сделалось жарко. Он сбросил куртку, перекинул через локоть и, оставшись в одной тонкой тунике, побежал. И ненависть стала стихать, уходить вместе с жаром тела и потом.

Всеслав остановился лишь на площади перед библиотекой. Статую изуродованной Венеры вместе с бронзовым постаментом укутали плотной рыжей тканью. По крошечному садику кружил вокруг статуи вигил. Всеслав сделал вид, что разбитая Венера его не интересует, и медленно прошёлся вдоль портика библиотеки, где в нишах застыли мраморные фигуры знаменитых мыслителей. Вот старик Гомер, слепец и мистификатор. Быть может, он был богом, но богом слепым. За ним Платон, поклонник диктатуры, надевший маску любителя справедливости. Евклид, боготворивший числа, Еврипид, забывший прикрыть маской лицо. Вергилий, славивший Августа, Тацит, сумевший всех Августов превратить в чудовищ. Трусишка Цицерон, защищавший Республику и за эту Республику погибший, и подле него – отец истории Геродот. В свете фонарей мраморные мыслители с двойниками-тенями в глубине ниш казались живыми. Всеслав пожалел, что в этот момент на нем нет тоги – продал за долги. А ведь имел на тогу право. «Верно, осуждаете меня, мраморные мудрецы?» – хотел крикнуть им Всеслав. Но не крикнул. Вдруг спрыгнул со своих постаментов и начнут колотить непутёвого?

Всеслав замедлил шаги. Неприятный холодок пробежал по спине. Юноша покосился на закутанную в ткань Венеру. Даже под толстыми складками можно было понять, как сильно изувечен мрамор. Творение Мессия Ивара... Внезапно ему показалось, что ткань шевелится. И... Венера поворачивает изуродованную голову и смотрит на него. И грозит рукой-обрубком. Всеслав попятился. Прижался к стене. Вздрыгнул всем телом от прикосновения холодного камня. Вновь всмотрелся. Венера была неподвижна. Всеслав расхохотался и помчался мимо библиотечного портика, мимо торговых рядов к дверям гостиницы.

«Держи! – кричал кто-то вслед. – Это он! Он!»

Всеслав оглянулся. Погони не было. И крик почудился. Он споткнулся и упал. Приподнявшись, увидел на влажной мостовой маслянистый блеск змеиной кожи. Блеснула змея и пропала. Огромная змея.

С кровавого неба Помпеи падал чёрный пепел. Всеслав хотел набрать полные пригоршни пепла. Но зачем?

VIII

Всеслав снял номер в гостинице «Европа». Гостиница эта в Северной Пальмире была самой дорогой. Разменивая «аврельку», гладиатору не пристало думать, на сколько дней хватит денег. Так устроена жизнь гладиатора. Деньги уходят у него меж пальцев. Чужую жизнь он не ценит. Как и свою.

Ночь уже перевалила за половину, а Всеслав так и не мог заснуть. Зажёг свет, взял второй том истории Марка Симиуса «Подъем и расцвет Римской Империи». При всей своей любви к Риму он почему-то не мог продвинуться дальше второго тома. Читал, читал, и всякий раз что-то стопорилось. Мысли одолевали. Вдруг он переносился в прошлое, и так здорово было маршировать где-нибудь с Четвёртым Скифским легионом и отражать десант вигов во время Второй Северной войны. Или под Нисибисом стрелять из аркебузы в несущегося в облаке пыли катафрактария. Там, в прошлом, все было понятно, разложено по полочкам, расставлены противники, подсчитаны резервы, проанализированы ошибки. В настоящем ты не ведаешь, кто твой враг, и, совершая ошибку, не подозреваешь, насколько она роковая. «Время обнажает истину», – говорят римляне. Но в настоящем истины нет. Она разбита на атомы пылью мелочей. И сам ты бредёшь в темноте и не знаешь – куда и зачем. И никто не знает. Все только делают вид, что истина им открыта. Вот и Всеславу хочется во что бы то ни стало что-то доказать, победить. Не монголов, так хотя бы своих. Своих проще. Сам факт победы его удовлетворяет. Но что толку в победе, если академия по-прежнему для него недостижима?

Он сел к столу писать письмо в Новгород:

«Дорогой брат, я стал гладиатором, завтра будет тренировка. Первая и последняя. А потом – арена. Смертельные поединки. Как так получилось – не знаю. Будто кто-то меня толкнул в спину. И кто-то за меня дал обещание. А я лишь губами шевелил. Я буду драться с...»

А дальше ничего написать не мог. Отложил стило и лёг спать. Светало.

IX

Служанка, что проходила по коридору, услышала сдавленный, совершенно нечеловеческий крик. Она взвизгнула и кинулась за охранником. Когда вдвоём они вбежали в номер, то увидели стоящего посреди комнаты Всеслава. Тот был совершенно белый – белее своей ночной туники, по лицу каплями стекал пот. Он смотрел куда-то мимо незваных гостей и беззвучно шевелил губами. Из носа на грудь струйкой бежала кровь.

– Что с тобой, доминус? – спросил служитель, и голос его звучал не слишком твёрдо. Девушка пряталась за спиной охранника, вцепившись мёртвой хваткой в его локоть.

– К-кошмар... – выдавил Всеслав, продолжая по-прежнему глядеть куда-то в угол комнаты. Он отёр ладонью лицо и недоуменно глянул на окровавленные пальцы. – Мне приснился кошмар... Я опять на мосту, и этот взрыв... М-можно принести вина?

– Конечно, – пролепетала девушка и попятилась к выходу.

– Я думал, на тебя напали, – проговорил охранник нарочито мужественным голосом и тоже отступил к двери.

– Кошмар, – повторил Всеслав.

Когда дверь за гостями захлопнулась, он как подкошенный рухнул на пол.

X

Элий тоже не спал. Лежал с открытыми глазами на жёстком неудобном ложе в дешёвой гостинице и смотрел в потолок. Простыни были сомнительной чистоты и влажные. Дождь монотонно стучал в окно. Сколько за последние годы он переменял гостиниц? Давно сбился со счёта. И эта не самая худшая. Почему-то он надеялся, что Летиция вернётся. Надеялся до сегодняшней ночи. А сегодня понял: нет, никогда. Странное чувство. Будто в его руках была нить Ариадны и вдруг кончилась. Именно кончилась, а не порвалась. А он все ещё в лабиринте.

Он вспомнил, как однажды утром Летиция сказала ему: «Ты стал другим». Или она этого не говорила, а он понял сам. Понял, что давно другой. И этого другого она любить не может. Напрасно Элий пытался обнаружить, в чем его иность. Не было точки отсчёта. Он пожалел, что не вёл прежде дневников, – тогда бы он смог сравнить свои прежние записи с нынешними мыслями. Летиция его разлюбила. Это была его последняя потеря. За этой гранью ему уже нечего было терять. Он остался совершенно один – наедине со своей новой неразгаданной сутью. Список утрат был таков: Марция, Нисибис, Рим, Постум, Летиция.

Он записал эти пять слов на чистой белой странице и долго смотрел. Слова сами по себе не вызывали сильной боли. Он не знал, что делать: пытаться вернуть потерянное или пытаться жить дальше.

Уже много дней (а может быть, и лет) казалось ему, что некто ведёт его за руку, – ощущение, сравнимое только с присутствием гения. Но ведь Элий давным-давно рассорился со своим опекуном. Да и нет нынче гениев ни у кого. Никто не опекает человека – стал он жить сам по себе. То ли бог, то ли животное – не понять. Но ощущение ведомости не проходило. Элий казался себе слепым, которого тащит по невидимой дороге невидимый поводырь. Но ведь у слепца все невидимое – и мир, и цель. И даже меч, если слепец отважится взять его в десницу, невидим. И кровь, которую проливает не видимый слепцом меч, тоже им невидима.

И, значит, её почти что нет. Но есть крик боли, который режет слух слепца сильнее, чем слух зрячего человека.

Как же справиться со слепотою? Как отыскать предназначение, которое тебе неизвестно?

Завтра опять арена. Сколько раз ему снилось, что он вновь берет меч и выходит на круг золотого песка. И меч в руках боевой. И вот завтра кошмар станет реальностью. Но он почему-то не боится. Надо выдержать год. Не проиграть за год ни одного поединка. Элий был уверен, что сможет. Но откуда явилась такая уверенность – он не знал.

Квинт лежал очень тихо и смотрел в потолок. Даже дыхание у него было ровное, как у спящего. Но внутри все кипело. Душа фрументария взбунтовалась. Все в нем кричало: «Нет!» Такое было с ним однажды – и тогда он восстал против Корнелия Икела. Теперь он не понимал и не принимал того, что творит Элий. Что они делают? Что ищут? Непонимание пугало его больше, чем противозаконные замыслы префекта претория когда-то.

– Зачем ты это сделал? – спросил наконец фрументарий. Элий не ответил, хотя слышал вопрос. – Зачем подался в гладиаторы?

– Не спрашивай – не отвечу. Скажу одно: это не прихоть.

Мог бы не говорить. Квинт и так знал, что не прихоть. Но лучше бы в самом деле прихоть... Да, лучше бы прихоть...

– А если тебя убьют? Оружие теперь на арене боевое.

– Значит, убьют. И не говори, по своему обыкновению, что я сошёл с ума.

Вместо ответа Квинт тяжело вздохнул.

«Надеюсь, что дело не кончится новым Нисибисом», – хотел сказать он, но не сказал ничего.

Сна по-прежнему не было.

– Знаешь что, Квинт, – сказал Элий, разглядывая облупленный потолок, на котором, как на поверхности воды, покачивалось жёлтое отражение фонаря. – Ты в самом деле разыщи Летицию.

– Так ты решил...

– Ничего я не решил, – оборвал его Элий. – Она беззащитна. Необыкновенно богата, молода и наивна. Хотя и гений. Наполовину. Она может стать добычей любого проходимца. Надо её разыскать...

Квинт сел на кровати.

– Элий! – Голос соглядателя изменился, сделался напряжённым и зазвенел. – Элий! – выкрикнул он, будто брёл наугад, и вокруг опять была пустыня. – Послушай, изгнание – страшная вещь. То есть такое испытание, которое никому не удавалось вынести. Цицерон, покинув Рим, жаловался и стенал.

– Уж вряд ли Цицерон может служить примером стойкости, – улыбнулся Элий.

– А Овидий? Как он заискивал перед всеми, как умолял...

Элий тоже сел на ложе. Теперь они сидели друг против друга – господин и его фрументарий. Изгнанники. Отблеск уличного фонаря скользил по лицам. Элию казалось, что он читает ужас на дне зрачков Квинта. Ужас – и ещё нечто, от чего у него самого меж лопаток пробежал озноб.

– К чему ты клонишь? – спросил он тихо и зло. От прежней дружеской доверительности в их разговоре не осталось и следа.

– Элий... сам подумай – двадцать лет, – горячо и как-то заискивающе заговорил Квинт. Будто собирался просить о чем-то совершенно невозможном и при этом надеялся, что ему не откажут. И сам боялся, что не откажут.

– Не двадцать. Уже меньше осталось. – Элия вновь окатило холодом.

А Квинта стало трясти, и он то ли засмеялся, то ли всхлипнул – не понять.

– Элий, ты не вынесешь, ты станешь другим. А я не хочу. И не смогу тебе такому служить. Лучше ты... Вернее, я... Так проще. Как раб, как преданный раб Гая Гракха.

– Раб защищал Гая, – отвечал Элий. – Я видел это во сне, однажды.

– Враньё... – клацнул зубами Квинт. – Враньё. Раб убил. И Брута тоже – раб. Так проще. Вот и ты... мне... позволь. Пока не поздно. Пока ты – ещё ты. Пока изгнание тебя не сожрало.

Фонарь за окном покачивался на ветру из стороны в сторону. Жёлтое пятно на потолке дрожало. Элий провёл руками по лицу.

– Ты предлагаешь мне самоубийство? Так?

– Да, Элий, так. Прости. Ты не выдержишь. Никто не выдержит. Ты сильнее других. Но не настолько.

– Благодарю за оказанную честь, Квинт. Предложение очень лестное, но вряд ли я его приму.

– Не насмешничай.

– Да простит меня твой гений, говорю серьёзно. Но я не понял. Ты что же, судишь меня?

– За что я могу тебя судить? – Голос Квинта дрожал.

– За Нисибис, за что же ещё. Я каждый день себя сужу.

– Уж скорее ты меня за Нисибис суди. Я там облажался...

– Ты боишься.

– Да. Ничего не получается, разве ты не видишь? Боги отвернулись от нас. Все дороги кривые, все ведут к поражению. К поражению и позору. Так уж лучше мечом в горло. И все. Тебе кажется, что ты сильный, Элий. Но тебе только это кажется. На самом деле ты слаб.

Элий фыркнул, затряс головой. Рассмеялся и смолк. Вновь рассмеялся. Слова Квинта казались бредом и в то же время каким-то чудовищным, но одновременно справедливым приговором. И потому от них некуда было деться. Не защититься. Даже смехом. Элий не верил, что Квинт произнёс *такое*. И все же произнёс. Элий слышал...

– Я часто проигрываю, Квинт. Ошибаюсь. Пропускаю удары и падаю. Но поднимаюсь после падения. И сейчас вновь буду драться. И ты ошибаешься, Квинт. Я – силен.

– Ты все время переоцениваешь свои силы, – зло выкрикнул Квинт. – Так оцени их хоть раз верно.

– Но это ещё не повод, чтобы перерезать мне горло мечом.

– Элий, тебе придётся пожалеть, если ты откажешься.

– А ты не пожалеешь, что убил меня?

– Нет. Потому что я умру вслед за тобой.

– Может, ты и прав, Квинт, не знаю, – Элий похлопал фрументария по плечу. – Не знаю...

Но скажу точно: уходить из жизни по своей воле пока не хочу. Не имею ни малейшего желания. И вряд ли тебе удастся меня уговорить. Возможно, в ближайшие дни меня прикончат на арене. И тем самым какой-нибудь гладиатор избавит тебя от необходимости орудовать мечом. Но то арена. А здесь, в комнате... Представь, Квинт: я буду стоять над той ржавой раковиной в углу, а ты полоснёшь мне мечом по горлу, перережешь вену, кровью обрызгаешь стену. Я буду корчиться, хватать ртом воздух. Нет, Квинт. Тебе придётся подождать...

– Я не шучу! – крикнул Квинт. Он протянул руки, будто в мольбе, но кулаки его были стиснуты. Даже в полумраке Элий видел, как исказилось лицо Квинта. – И не смей надо мной издеваться!

– Да я не издеваюсь, клянусь Геркулесом! Я же сказал – разговор серьёзный.

– Элий... я всегда-всегда... клянусь бессмертными богами, тебя боготворил... И теперь... тоже. Но ты не вынесешь изгнания...

– Я или ты? О ком сейчас речь?

Квинт не ответил.

– Так кто же из нас? – повторил Элий. – По-моему, ты просто устал, Квинт. Мы же не будем двадцать лет жить в этой мерзкой гостинице. Грядущие годы представились тебе похожими на сегодняшний безумный день. Вот ты и сорвался. Давай лучше выспимся. Утром у меня тренировка. И не забудь, что я говорил тебе о Летиции.

Элий лёг и отвернулся к стене. Квинт посмотрел на свою подушку. Под этим тощим мешком, набитым какой-то трухой, он спрятал «брут». Магазин был полон. Взвести курок, приставить к виску спящего... Нет, к виску не надо. Голова будет изуродована. А он не хотел, чтобы Элий казался уродливым после смерти. Лучше к сердцу. Один, два, три выстрела – чтобы наверняка, чтобы сердце – в куски. Квинт так отчётливо это представил, что зажмурился и затряс головой. Нет, Элий не дал согласия. Квинт не может нажать на спусковой крючок. Не имеет права. О, боги, что ж ему делать? О, боги, что?

Глава II

Игры в Северной Пальмире (продолжение)

«Волнения в Галлии сильно преувеличены сообщениями вестников. Это выходки кучки безумцев. После ареста пятнадцати зачинщиков порядок тут же был восстановлен».

«Альбион пытается завладеть торговыми путями Империи».

«За выборами в Римский сенат внимательно следят не только жители Империи, не только в странах Содружества, но даже к Бирке, даже в Великом Новгороде, Киеве и Москве».

«Правила арены просты. Не добивать раненых. Можно бить лежащего, даже если он сдаётся. Если, конечно, лежащий не ранен. В этом случае гладиатора могут обвинить в предумышленном убийстве».

«Акта диурна», Ноны сентября⁸

I

К назначенному времени в Гладиаторскую школу Всеслав опоздал. Когда вышел на учебную арену, гладиаторы уже заканчивали разминку. Слав спешно переоделся и стал разминать кисти рук, потом локтевые суставы и плечевые. Потом перешёл к прыжкам – одну ногу вверх, потом другую, удары в воздух. Платон в углу однообразно молотил кулаками по кожаному мешку в человеческий рост. Двое молодых ребят пытались сесть на поперечный шпагат, но у них не получалось. С оружием никто не работал.

Сократ подошёл к Всеславу, тронул за плечо:

– Ты, случаем, не качался? А то к нам каждую осень являются штук десять мясистых ребят.

– Вы таких не берете?

– Диоген всех берет. Мясо тоже бывает полезным – может защитить от меча. Хотя и похуже доспехов. Отсекут кусманчик с груди или плеча, зато сам уцелеешь.

Диоген хлопнул в ладоши:

– Всем покинуть арену. Ждите в экседре. Буду вызывать по одному.

– Нам что, не дадут потренироваться друг с другом? – спросил Всеслав у Элия.

– Друг с другом? – переспросил тот. – Нет. Иногда такое позволяют в школе. А как только вышел на арену, больше никаких совместных тренировок. Зачем противнику знать заранее, на что ты способен? У Диогена специальные бойцы для таких тренировочных поединков. Обычно – ветераны.

Всеслав залился краской, как девица, – каким дилетантом он выглядел в глазах прочих!

– Не переживай. В первый же день на арене все увидят, каков ты боец. – Перегрин улыбнулся. Была в его улыбке неприкаянность, столь знакомая самому Всеславу. – И помни: для гладиатора главное то, что дано природой.

Служитель выдал всем лёгкие пластиковые нагрудники и шлемы.

– Всеслав! На арену! – выкрикнул Диоген, приоткрыв дверь. – И поживее!

⁸ 5 сентября.

II

Против Всеслава вышел старый боец. И хотя лицо противника было скрыто пластиковым забралом, а корпус бойца закрывали пластиковые доспехи, опытного поединщика сразу можно было отличить по скупым и рассчитанным движениям. Всеслав взял тупой тренировочный меч и лёгкий прозрачный щит. Выгоды от этой прозрачности, в принципе, никакой – ты видишь противника, но и он видит тебя. У ветерана щит был матовый. Всеслав ударил. Попал, разумеется, по щиту. Вновь ударил. Пам! – отозвался пластиковый щит. И тут же Всеслав едва не получил удар по голове – в последний миг успел отшатнуться. Пам! – вновь отозвался вовремя подставленный щит.

Да что ж это такое! Всеслав попытался ударить по ногам.

– П-пам! – грохнул тупой меч по пластиковому шлему Всеслава.

И следом, как приговор, короткий окрик Диогена:

– Достаточно.

– Это случайность! – крикнул Всеслав ланисте.

– Не сомневаюсь. – Диоген повернулся к нему спиной, давая понять, что разговор закончен.

Всеслав выбежал назад в экседру взбешённый, все ещё сжимая в руке свой тупой меч.

– Я же могу! Могу драться! Лучше других! – заорал он и рубанул пустоту. – Ну, кто хочет со мной потягаться, а?

– погоди до завтра, – хмыкнул Сократ. – А дома потренируйся. Попрыгай на скакалке. Помогает. Очень помогает, советую.

– Прекрати издеваться! – Всеслав был взбешён.

– Я серьёзно. Вон, хоть у Марка Аврелия спроси.

– Скорость реакции – прежде всего, – отозвался Элий.

– Какая же может быть скорость при твоей хромоте?!

Элий не ответил. Сделал шаг назад. И вдруг подпрыгнул в воздух и нанёс два удара ногами по воображаемому противнику. У Всеслава отвисла челюсть. Он сам, при всех своих физических данных, ничего подобного не умел.

– Как это у тебя получилось? – выдохнул юноша.

– Мне кажется, будет честным предупредить, что моя хромота не делает меня слабее, – только и ответил Элий.

– Невероятно... – прошептал Всеслав.

Ярость его давно прошла. Но внутри остался какой-то противный свербящий комочек.

Всеслав подался вперёд и зашептал:

– Научи меня драться. Я ведь не учился в гладиаторской школе. Так, немного позанимался в одном месте, потом в другом. Меня же убьют. В первом бою. Научи, а?

Римлянин пожал плечами:

– За день? – Он решил, что Всеслав неудачно шутит.

– А что такого? Покажи какой-нибудь особый приём и...

– Всеслав, это не смешно.

– Что мне делать?

– Откажись. Расторгни договор.

– Ни за что! – Всеслав отвернулся. Убьют – и не будет больше ни побед, ни ошибок. Убьют – значит, Оккатор победил. Значит, так и надо.

– Ты воевал? – спросил Перегрин.

– Я, как идиот, потащился на Калку. – Всеслав рассмеялся кратким смешком. – Понимал, что не надо, что ничего не выйдет. И все же пошёл. Надеялся на чудо. Ведь кому-то везёт, так?

– Тебе повезло, что ты не погиб, – сказал Перегрин и добавил после заметной паузы: – И не попал в плен.

– Это точно, – согласился Всеслав. – Рок сильнее богов, ну а людей – подавно. Это рок нас ведёт. Заставит – станешь рабом и будешь ползать на коленях. Прикажет – выйдешь на арену гладиатором. И с этим ничего не сделаешь. Ну разве что как тот германец, о котором писал Сенека. Всадить себе палку в горло и умереть, лишь бы не идти на арену на потеху толпы. Вот и весь выбор нашей жизни.

– Сколько же тебе лет, Всеслав?

– Двадцать три.

– Откуда ж такой мрачный взгляд на жизнь? – Элий улыбнулся. Парень этот ему нравился и одновременно вызывал неприязнь. Он как будто двоился...

– Неудачник я, – сокрушённо проговорил Всеслав.

– И в чем же твоя неудача?

Всеслав огляделся (не слышит ли кто) и сказал шёпотом:

– Больно мне. Сердце разрывается. Я гладиатор, но не буду исполнять желания. Никогда. Как другие исполняли. Им повезло. А мне – нет. Не успел. Та, настоящая арена кончилась, – Всеслав говорил это, все больше злясь неведомо на кого – то ли на друга своего Перегрин, то ли на себя.

– Кто сказал тебе такую чушь? Если гладиатор сражается на арене, он должен исполнять желания. Иначе он становится убийцей. Это закон, и другого я не знаю.

– Исполнять желания? Ха-ха... «Людам не стало бы лучше, если бы исполнились все их желания», – процитировал Всеслав Гераклита и самодовольно усмехнулся – ему самому очень понравилось, как он ловко ввернул цитату. – Впрочем, нынче желания не исполняются. Странно... прежде гладиаторы исполняли на арене желания и не убивали ради этого. А мы ничего не будем исполнять, но прикончим друг друга.

– Ты собираешься убивать? Ты хочешь убивать? – живо спросил Элий.

Всеслав скривил губы:

– Я могу.

– Ты очень хотел поступить в Академию художеств?

– Теперь не помню... Кажется, очень. Знаешь, у художников есть такое правило... Когда картину пишешь, сначала надо широко раскрытым взглядом смотреть – распахнуть глаза и как бы весь мир обнимать. «Коровий» взгляд называется. А потом прищуриться и всякие мелочи замечать. Так вот и в жизни так: каждодневно зрение своё меняй – то весь мир взглядом охватывай, то мелочи примечай.

Всеслав сразу заметил, что этими словами он римлянина поразил. Тот долго молчал, а потом спросил как-то очень серьёзно:

– А ты бы смог вынести такое испытание, какое другим не под силу? Совершенно невыносимое.

Всеслав растерялся на секунду. Хотел даже пошутить. Но вместо шутки ответил почему-то шёпотом:

– Я не очень сильный. То есть могу... Но не больше других. – Стало вдруг стыдно за то, что он такой средний, ничем не замечательный. – Вообще-то я Рим люблю, – пробормотал он торопливо. – Больше всего на свете. Меня даже Филоромеем прозвали.

Вот если бы они с Перегрином стали друзьями, тогда бы... О, тогда бы Всеслав такое смог!

– Перегрин, я рад, что ты оказался у нас в Северной Пальмире, – сказал Всеслав почти торжественно. – Без тебя я не знаю что бы делал. И помни: моё истинное прозвище – Филоромей.

А в груди, в том месте, где раньше он чувствовал согревающий жар, вдруг сделалось пусто и холодно, будто Всеслав проглотил кусок льда.

III

Всеслав вышел из школы, не дожидаясь остальных. Проклятый комок в груди не проходил.

Гладиатор остановился посреди улицы, поправил на спине сумку с амуницией, огляделся. Рядом никого не было. Всеслав закатал рукав, извлёк из ножен кинжал и полоснул по руке. Кровь брызнула. Он приник к ране и стал пить. Ему казалось, что пьёт он не кровь, а огненную жидкость из Флегетона – пламя разбегалось по жилам, в ушах стучало. Он наконец оторвался от раны, вытащил платок и прижал к порезу. Будто пьяный, зашагал дальше. Ноги двигались легко, какая-то внешняя неведомая сила вела его. Он вдруг подпрыгнул, как Элий час назад, и нанёс невидимому противнику два удара – молниеносных и сокрушительных. Разумеется, обронил платок. Неважно! Кровь уже почти не шла из пореза. Зато теперь Слав бы мог уложить любого. Или почти любого. А что если вернуться в школу к Диогену и...

Нет, он не станет возвращаться. Он подождёт до завтра.

Глава III

Игры в Северной Пальмире (продолжение)

«Сегодня в амфитеатре Северной Пальмиры начинается сезон смертельных поединков».

«Пожар в Библиотеке Академии наук. К счастью, погасили быстро. Но книги изрядно попортились, а были в собрании Академии бесценные манускрипты. В том числе прижизненный список истории Диона Кассия и рукопись книги Гельвидия Приска, та, которую сожгли сначала, а потом по приказанию Гая Калигулы (и добрые дела творил сей император, пока не сошёл с ума) восстановили. Драгоценные свитки хранились в герметичном тезариусе за стеклом, так ведь во время тушения какой-то недотёпа разбил тезариус, и рукописи залило пеной. Теперь архивариусы заказали хранилище из небьющегося стекла. И так всегда: делают тезариус, когда все сгорело...»

«Акта диурна», 8-й день до Ид сентября⁹

I

Амфитеатр в Северной Пальмире не шёл ни в какое сравнение с Колизеем. Был он куда меньше, современной постройки, с конструкциями из бетона, открытыми каркасами, пластиковыми сиденьями. На полах – дешёвая фабричная мозаика, колонны, правда, с облицовкой, но простенькие, в этрусском стиле. Ложи здесь занимали не сенаторы, а просто богатеи: те, кто мог позволить себе купить места в первом ряду. Да это и понятно: в Северной Пальмире никогда не проходили игры Большого круга, а только отборочные или показательные бои. На этой арене не исполнялись желания. Здесь демонстрировались ловкость и жажда успеха, жестокость и трусость, наглость и страх. Но крах прежней системы уравнил все амфитеатры – малые с большими, римский Колизей с провинциальными смотрильнями. Сейчас и в дальней колонии можно поставить на какого-нибудь громилу, вооружённого боевым топором, и выиграть сотню-другую сестерциев.

Громила, вооружённый топором, в очередной раз зарычал по-звериному, замахнулся, ударил и... рухнул на песок. Его противник, рыжий здоровяк, отскочил в сторону и теперь стоял, перекидывая меч из одной руки в другую, дожидаясь, пока обладатель топора соизволит подняться. Но громила не торопился – то ли ждал подходящего момента, то ли просто отдыхал. Немногочисленные зрители на трибунах свистели на разные лады. Но бойцы не обращали на свист и вопли никакого внимания – ведь их жизнь не зависела от милости зрителей.

Всеслав остановился в проходе между трибунами, наблюдая за ареной.

– Платон дурачится, – сказал Перегрин, подходя сзади. – Но он недостаточно ловок, чтобы быть беспечным. Я утром на «детских» представлениях немного разогрелся. Так что сейчас, надеюсь, буду в форме.

Утренние представления в самом деле были для детей – гладиаторы сражались либо деревянным, либо пластиковым оружием и не били в полную силу. Тут у Элия, гладиатора старой школы, привыкшего шадить противника, было несомненное преимущество. Всеслав подумал, что, несмотря на свою хромоту, Элий наверняка понравился детям.

⁹ 6 сентября.

– Ну и как? – спросил небрежно Всеслав. Он пожалел, что не пришёл на «детский» поединок хотя бы для того, чтобы посмотреть, кто на что способен.

– Эмпедокл имел глупость выйти на арену без шлема. Теперь сидит в куникуле, держит пакет со льдом на лбу и после обеда выступить не будет.

Всеслав засмеялся. И вдруг его взгляд остановился на человеке в римской тоге, сколотой золотыми фибулами.

– А что делает здесь куратор Академии художеств? – с наигранным изумлением воскликнул Всеслав и весь подобрался, будто хищник перед прыжком. От знакомой ненависти захолоуло в груди.

– Видимо, приходит ради изучения красоты человеческого тела, – предположил Элий.

– Так вот почему его умирающий гладиатор получился таким реалистичным! – прошептал Всеслав. – Он его, можно сказать, с натуры валял.

Платон уже успел подняться, и теперь противники кружили по арене, не атакуя.

– Сходить за минералкой? – предложил Всеслав Перегрину.

И будто ненароком оказаться рядом с Иваром и...

– Погоди. Сейчас бой кончится. Сократ победит.

– По-моему, они будут возиться ещё полчаса.

И тут Платон пропустил удар по корпусу. Нагрудник защитил. Но от удара Платон пошатнулся. И тут же клинок Сократа вошёл между сочленениями наручей. Платон медленно осел на песок.

– Вставай! – заорали на трибунах. – Хватит валяться! Вставай, лентяй!

По белым пластмассовым наручам текла кровь. Распорядитель торопливыми перебежками направился к гладиаторам – посмотреть, достаточно ли серьёзна рана для прекращения боя. Платон отстегнул наручи, демонстрируя глубокий порез. Он ругался сквозь зубы, но многим казалось, что недостаточно убедительно. А Сократ тряхнул рыжей гривой, расхохотался, похлопал противника по плечу и что-то шепнул ему на ухо. Как они так могут? Сражаться и дружить? И не испытывать... ненависти...

Почему Всеслав опять подумал о ненависти? Нет, не подумал – почувствовал. Говорят, гладиаторы слышат зов арены. Неужели это и есть её зов?... Всеславу стало не по себе. Его вдруг стала трясти крупная дрожь – так ему стало нехорошо. Если кто-то увидит, решит, что юноше страшно. Но это враньё. Он не боится. Ни капли. Только противно. Муторно... все внутри переворачивается. Он чувствовал, что сегодня ему придётся убить. Но почему – не знал.

– Лентяй! – кричали Платону с трибун, однако уже без прежнего азарта.

Не дожидаясь решения распорядителя, зрители потянулись к выходам – ожидался перерыв, и надо было занять очередь к окошечку, чтобы получить выигрыш – большинство ставило на Сократа.

– Победил Сократ! – объявил распорядитель.

Два дюжих санитаров вытащили на арену носилки. И хотя Платон мог бы и сам доковылять до куникула, ему устроили торжественный вынос. Гладиаторы всегда преувеличивают свои раны.

– Пора идти, – сказал Элий. – Перерыв короткий.

На пустой арене два служителя в костюмах Меркурия разравнивали песок. Шуршали метёлки. Один из служителей, сдвинув на затылок шлем собирал в ведро комья красного от крови песка.

Всеслав не боялся крови. Все-таки шесть раз защищал честь с оружием в руках. Пусть не смертельные раны наносил, но... в том, шестом поединке, вспоминая который он каждый раз содрогался, удар Всеслава выбил противнику глаз. Тогда он обрадовался, что не осквернился убийством.

А теперь его все чаще охватывало сожаление, что не убил в тот раз.

II

Противник... Смешно называть гладиатором этого румяного мальчишку с соломенными волосами. Неумеха. Новичок. Втройне обидно, если Всеслава одолеет этот сопляк. Как его звать? Парнишка ударил. Всеслав отбил меч без труда. Новый выпад – и вновь атака юнца отбита.

«А ведь неплохо!» – похвалил сам себя Всеслав и мысленно самодовольно усмехнулся.

Никогда не дрался он так прежде. Меч будто сам летел, предугадывая удары, и всякий раз отражал любой выпад мгновенно. Две минуты Всеслав только защищался. Пока новичок, устав, не открылся, будто нарочно для удара. И Всеслав сделал выпад. И, уже начиная движение, понял, что может убить. Вернее, не может, а наверняка убьёт. И хочет, и жаждет. И лишь в последний миг он сумел отвести руку – будто не свою, а чужую, ибо рука по-прежнему желала разить насмерть. И ударил плашмя.

Мальчишка рухнул на песок без сознания. Но жить остался. Пощадил его Слав.

«Как же так? Я его ненавижу? – подивился гладиатор Сенека. – Как Ивара? Его-то за что?»

И опять стало мутно на душе, будто обнаружил он в себе тайную и страшную болезнь. Может, ненависть плодится в душе, как зловредный вирус? Может, она заразна?

«Я не убил его...» – повторял Всеслав.

Но не радовался этому, а как будто оправдывался.

«Ещё не смог... не смог... сегодня не смог...»

Прежде чем уйти в куникул, он совершил круг почёта. Но потом, вместо того чтобы вернуться в куникул, юный гладиатор Сенека рванулся к боковым проходам и прошёл на трибуну. Правилами это было запрещено. Но он плевал на правила.

– Ну как, Мессий Ивар, я тебе понравился сегодня? – нагло ухмыляясь, спросил Всеслав, садясь на скамью рядом с куратором Академии художеств. Вытянул ногу так, чтобы куратор не мог проскочить мимо.

– Да... неплохо... очень даже... – пробормотал куратор академии и хотел подняться. От соседства с гладиатором ему сделалось не по себе. Но Всеслав ухватил его за тогу и силой усадил на скамью.

– Сегодня было мало крови... слишком мало... но вскоре её будет больше. Ты придёшь ещё? – спросил Всеслав, улыбаясь.

Куратор судорожно сглотнул.

– Так придёшь?

– П-приду... – На лбу Ивара выступили капли пота. Куратор явно трусил. А в груди Всеслава будто прыгал, веселясь, бешеный маленький зверёк.

– Очень хорошо. Я жду. А если не придёшь... Я приду к тебе. – Всеслав оскалился. – Ты же знаешь... гладиаторы неподсудны. Им все позволено. Или почти все.

Ивар облизнул пересохшие губы:

– Это ты изувечил Венеру?

– Возможно. Иногда приходит такое время... когда хочется... посчитаться за обиды. За все обиды. Ведь это я должен был написать «Последний день Помпеи». Я. А ты меня этого права лишил...

Под ногами что-то блеснуло. Опять змея? Или показалось?

Всеслав поднялся:

– В следующий раз я непременно кого-нибудь убью. Обещаю.

– Хорошо... – зачем-то сказал Ивар. У него клацали зубы.

– Знаешь, почему я разбил твою Венеру? – Всеслав засмеялся. – Потому что она бездарна. Он лгал. Но Ивар не посмел ему перечить.

В куникуле Всеслав столкнулся с Элием.

– А ты неплохо дерёшься! – улыбнулся римлянин. – Очень даже неплохо. А ещё просил о тренировках. Решил разыграть меня?

– Ну, вроде того, – смутился Всеслав. Он и сам не понимал, почему дрался сегодня куда лучше обычного.

– Некрасиво. Я же сказал: гладиаторы не тренируются с теми, кто на арене. Найди себе партнёра для тренировок из старых бойцов.

«Да не нужен мне никто!» – хотел выкрикнуть Всеслав, но сдержался.

– Эй, Перегрин! Этот парень в тебя влюбился, точно! – хмыкнул Сократ. – Верно, думает, у вас там в Риме любовь к мальчикам по-прежнему в моде.

– Отвяжись, – зло огрызнулся Всеслав. – Сократовы пристрастия всем известны.

– Клевета, – фыркнул рыжий гладиатор. – Платон насочинял всякие непотребства, а теперь все кому не лень, повторяют.

Глава IV

Игры в Северной Пальмире (продолжение)

«Лишь тот, кто хочет гибели Рима, будет голосовать за сенатора Флакка и его сторонников».

«Буферные государства, входящие в Содружество, испытывают сильнейшее давление Бирки. Вики хотят войны? Они её получают».

«Акта диурна», 7-й день до Ид сентября¹⁰

I

«Ты должен выдержать год, и ни днём меньше. Никому ни слова. Даже не намекай. Тебе придётся пролить кровь – без этого не обойтись. Прими мои условия, и все исполнится наконец. Звезда Любви спустится на землю. Теперь все зависит от тебя», – Элий наизусть помнил условия договора.

Но что-то было не так...

И с каждым днём подозрения все усиливались, превращаясь в уверенность. Что-то самое важное недосказано, не оговорено. И когда тайна откроется, будет поздно договор исправлять.

В этот день Элий не пришёл на «детские» поединки.

Явившись в амфитеатр, он сразу спустился вниз, в куникул. Остановился возле доски, где были вывешены составы пар на сегодняшний день. Против имени «Марк Аврелий» было вписано «Эпикур». В прошлый раз Элий дрался с Аристотелем. Аристотель оказался слабоват. И как он кричал, когда меч Элия всего лишь оцарапал его плечо! Сегодня Аристотель в амфитеатр не явился, и вряд ли явится когда-нибудь ещё. Даже в качестве зрителя.

Из раздевалки в общее помещение вышел Сократ. Ещё без доспехов. И как только он натягивает броненагрудник на свои телеса?

– Люблю поговорить о смерти перед выходом на арену, – заявил Сократ и погладил живот – будто на пир собирался, а не на арену. – А ты, Марк Аврелий, о чем любишь потрепаться?

– Предпочитаю помолчать, – отозвался Элий.

– Зря. Перед ареной меня посещают умные мысли, и я спешу ими поделиться. Вдруг меня сегодня прифинишат, и тогда никто не узнает, какая мысль меня осенила. А так, может, кто-нибудь запомнит и запишет. Да вот хоть Платон. Он, правда, наверняка все переверёт, как перевирал в прошлой жизни. Зачем-то приписал мне свои высказывания насчёт государства. Я такого никогда в жизни не говорил, даже по пьяни.

– Так ведь это тот Платон... и тот Сократ... – улыбнулся Элий.

– А я разве другой? Мне иногда кажется, что я вышел на арену только ради этих нескольких минут в куникуле, а не ради самой арены. Сейчас необыкновенные минуты. Как будто одновременно открыты и преисподняя, и небеса. И ты беседуешь со всеми мирами и с каждым человеком в отдельности. Но главное, мы беседуем друг с другом. Да, Марк Аврелий, перед смертью приятно побеседовать с умными людьми. А ты умен, мой друг, хотя и римлянин.

– Разве римляне бывают умными? – вмешался в разговор Платон. Перевязанная рука висела на белом шарфе, но сегодня Платон был вновь в куникуле.

– Нелепо говорить о римлянах, умные они или глупые. Они – римляне. Особая порода. Но ты, Марк Аврелий, исключение. Умен по общечеловеческим стандартам. Так что скажи

¹⁰ 7 сентября.

что-нибудь умное, как и подобает Марку Аврелию. Что ты думаешь о смерти? В споре рождается истина. Так поспорим перед смертью о смерти.

– «Никто не бывает настолько удачлив, чтобы его смерть не вызвала в ком-либо из окружающих чувства злой радости»¹¹, – процитировал Элий.

– Неплохо, – кивнул Сократ. – Очень даже неплохо. Да и как же иначе. Ведь ты – Марк Аврелий.

– А сам что ты скажешь, Сократ? Ты, именно ты, без всяких там цитат! Или ума не хватит сказать что-нибудь своё? – взъярился Всеслав. Ему не терпелось задеть старого гладиатора. В конце концов почему этот человек ведёт себя со всеми так пренебрежительно? Да кто он такой, чтобы что-то там одобрять и не одобрять!

– А я ничего не буду говорить, позову сейчас ту красотку и немного её потискаю. – Сократ указал на юную особу с выкрашенными в зелёный цвет волосами. Пышные перси её аж выпрыгивали из узкого кожаного лифа. Как она пробралась в куникул, куда перед боем никого не пускали, – неведомо. – Как тебе вон та птичка, Перегрин?

Элий окинул красотку оценивающим взглядом и отрицательно покачал головой:

– Не в моем вкусе. Женская грудь должна помещаться в мужской руке, это римский канон. – Он соединил две ладони вместе. – А эта и в двух не поместится.

– Смотря какая рука, – засмеялся Сократ. – Для моей лапищи и пяти таких грудей мало-вато будет. Эй, пятигрудая, иди-ка сюда! Я дам тебе автограф.

Красотка тут же к нему подкатилась, приникла губами к его губам, и перси сами собой выскочили из лифа на радость Сократу. Девица задвигала бёдрами, стараясь поплотнее прижаться к возбуждённой плоти гладиатора.

Тут в куникул заглянул Диоген, увидел девицу, оседлавшую Сократа – оба были уже готовы перейти к самым смелым ласкам после прелюдии, – и прохрипел в ярости: «Вон!»

Девицу как ветром сдуло.

– Эй, Марк Аврелий, докажи, что все философские выкладки Эпикура – одни фекалии! – хохоча, выкрикнул Сократ. – Ведь ты – Марк Аврелий. У тебя получится.

Ответил старый гладиатор что-нибудь или нет, Всеслав не расслышал: куникул наполнился звоном.

Сегодня Эпикур и Элий значились в списке первыми.

II

Гладиаторы высыпали на ближайшую трибуну посмотреть, как будет калека сражаться с юнцом.

Элий по привычке глянул вверх, на небо, хотя и знал, что гении там больше не живут. Но в здешнем амфитеатре небо было закрыто стеклянным потолком. Да и небо ли это – нарезанные железными крестовинами рыхлые серые ломти? В таком небе не летают гении. Но вдруг почудился ему едва приметный платиновый ореол и на мгновение приникшее к стеклянному прямоугольнику лицо. Элий вздрогнул. Нет, в самом деле мираж – это дождь стекал по крыше, и только.

Эпикур, заметив дрожь противника, усмехнулся. Решил, что её причина – страх. Эпикур был молод и красив – атлет с наголо обритой головой, чьи плечи непомерной ширины навевали мысль о граните и гранитных статуях.

– Ставлю сто сестерциев на Эпикура, – сказал Платон.

– А я, пожалуй, поставлю на Марка Аврелия, – ухмыльнулся Сократ.

– У него нет шансов. Только глянь на Эпикура.

¹¹ Марк Аврелий. «Размышления». 10.36.

– Мне нравится, как он держит меч.

– Он же хромает.

– Это притворство. Он прыгает, как горный козёл. И так же проворен.

Эпикур ринулся на Элия. Все замерли, ожидая, что первой атакой бой и кончится. Но почему-то Элий устоял, а Эпикур очутился на песке. Трибуны ахнули. Впрочем, зрителей было немного. Хотя и больше, чем накануне. Заметно больше.

Эпикур поднялся, подобрал сбитый шлем, смахнул песок с лица... Элий не препятствовал. Пусть тянет время. Поединок не должен закончиться слишком быстро.

III

Элий не был доволен собой. Нет, он не проиграл. Он выстоял и победил. Но все получилось не так, как хотелось, – ни одного блестящего приёма, ни одного молниеносного выпада, ни силовой борьбы – ничего. Одинаковые безликие выпады, которые нетрудно отбить, несколько атак, захлебнувшихся в самом начале, неловкое падение и даже (о позор!) выбитый из рук меч. Меч Эпикура, отлетевший к самой ограде. Да, ничем не удалось ни удивить, ни поразить.

Но все же Элий победил. И в гладиаторских списках не ставят пометок – была ли победа блестящей или серой. Победа – всегда победа. И в конце дня распорядитель игр вручит Элию золочёную статуэтку крылатой Ники.

– Неплохо для калеки, Марк Аврелий, – похлопал Элия по спине Сократ, когда победитель явился в куникул. – Вот только одного я не могу понять: зачем ты подался на арену, а?

Элий не ответил. Не знал, что сказать. Соврать? Не поверит. Неужели Сократ что-то знает? Нет, невозможно. Или так умен, что догадывается?

– Кстати, Сенека уже на арене. Пойдём, глянем? Вчера он был очень даже неплох. Я не ожидал... – предложил Элий.

– Против него Зенон. Зелен и слабоват, – хмыкнул Сократ.

– Здесь все зеленые по сравнению со мной.

– О да! Они все зеленые. А ты – седой. – Элий бросил взгляд на рыжие с серебром вихры Сократа. – И я тоже, чего уж тут. Только я не чувствую себя стариком.

– Я тоже.

– Скажу тебе честно, – Сократ нахмурился, – меня беспокоит Сенека. В нем слишком много от бойца и слишком мало от философа.

– Он очень зелен.

– Нет, его зеленость тут ни при чем.

– Он – хороший парень. Немного обидчивый, импульсивный. – При каждом слове Элия Сократ отрицательно качал головой. – Ну не знаю, что тебя так беспокоит! – внезапно раздражился Элий.

– Вы очутились здесь вместе. Ты и он. Зачем? – очень тихо спросил Сократ. – Хотя могу и не спрашивать. Знаю: ты не ответишь.

– Ты считаешь, что наш приход на арену как-то связан? – удивился Элий.

– Не разыгрывай из себя наивного идиота, Марк Аврелий, тебе это не идёт. Вы пришли вместе. Не для арены. Друг для друга. Это же сразу видно. С первого взгляда. Вас так и тянет друг к другу, как любовников. Или смертельных врагов. Что с тобой? Тебе плохо, парень?

Элий в самом деле побледнел как мертвец.

– Этого не может быть, – едва слышно прошептал он. – Невозможно...

И он кинулся на трибуну – смотреть на поединок.

«Он пришёл за тобой, за тобой, за тобой...» – билось в ушах.

IV

Зенон атаковал с яростью и отчаянием, Всеслав отбивался легко, будто нехотя. И вдруг метнулся вперёд, проскользнул под клинком и рассёк Зенону плечо. Тот пошатнулся, но не упал. Лишь сделал несколько шагов назад. Рука его повисла плетью.

– Падай! – кричали зрители на трибунах. Зенон им нравился: веснушчатый юнец с соломенными волосами. Такому бы свирель пастушескую, да в поле коров пасти и девок смущать шуточками, а не на арене снимать кровавую жатву.

Если упадёт – спасётся.

– Падай! – кричали, желая спасти.

– Дерись! – вопили другие. А зрители все приходили и приходили – будто звери, учуявшие кровь.

Трибуны были уже почти полны.

Зенон сделал несколько шагов, как пьяный, ноги его подогнулись, он упал на колени. Хотел встать, но окончательно потерял равновесие и упал.

– Тебе же больно, кричи, что же ты не орёшь, а? – спросил Всеслав, обходя лежащего и перекидывая меч из десницы в шуйцу и вновь в десницу. Кровь пульсировала в ушах, каждая клеточка вибрировала от восторга. Всеслав наслаждался внезапным торжеством. Победа! Второй выход на арену – и вновь победа! И куратор академии на трибунах – Всеслав видел Мессия Ивара в первом ряду. Пусть посмотрит, ничтожество, пусть. Всеслав поднёс к губам клинок и слизнул алую каплю – кровь противника. – Знаешь, я не могу тебя убить... по закону. Лежишь, развалился. Встань, если ты не трус... А, боишься. Думаешь, валяюсь я тут на песке кверху брюхом в безопасности, правила боя защищают меня. Вот тут ты ляпнулся, приятель, ничто тебя не защищает. Плевать мне на правила. Я хочу тебя прифинишить и прифинишу!

Всеслав лишь пугал. Но Зенон пришёл в ужас. Себя не помня, вскочил и кинулся к выходу с арены. Споткнулся. Растянулся на песке. Стал подниматься. Вновь упал.

– Лежи! – орали на трибунах.

Но Зенон их не слышал. Он видел вход в куникул – спасительный вход. Шагов двадцать, не больше. И он опять поднялся. Его шатало. И тут Всеслав настиг его. Внезапно ярость вспыхнула в нем и ослепила. И рука сама поднялась. И меч сам ударил наискось, будто срубал молодое деревце. Клинок рассёк Зенона почти пополам. Волна крови выплеснулась из раскрывшегося на животе вишнёвого зева, а следом полезло зеленовато-серое. Всеслав не успел отскочить, и карминовая волна окатила доспехи и лицо победителя. Так в древности богам красили лица киноварью. Богам и триумфаторам.

– Фу ты... – выдохнул Всеслав, проводя ладонью по лицу и размазывая кровь. Он все ещё был ослеплён. Ещё сам не свой.

Зенон повалился к его ногам. Сделалось тихо. И в глубине этой тишины лишь плескался какой-то нутряной отвратительный звук.

Всеслав несколько секунд смотрел на поверженного противника. Восторг схлынул. Накатывала тошнота. Он же убил его. Убил... Всеслав сделал шаг к трибунам, вскинул руку.

– Смерть! – отчётливо выкрикнул кто-то с задних рядов. – Смерть!

Победителя ждал почётный круг. Но вместо этого Всеслав повернулся и помчался в куникул. Боялся, что вырвет прямо на золотой песок. А медики тем временем уносили с арены изуродованное тело.

– Так и есть... – прошептал Элий. – Так и есть... Он пришёл за мной.

V

Всеслав сидел в раздевалке совершенно обессиленный. Он был на арене чуть больше десяти минут. А показалось – вечность. Как он победил? Он пытался вспомнить. И не мог. Элий подошёл к нему, остановился. Всеславу хотелось провалиться прямо в Тартар – он чувствовал себя безумно виноватым именно перед Элием. Тот не мог одобрить такое.

– Ты нарушил закон арены. Ты убил раненого, а *должен* был его пощадить. Нарушил закон арены, – произнёс бывший Цезарь как приговор.

Всеслав поднял голову и глянул Элию в лицо. Губы сами сложились в наглую ухмылку.

– Ты гладиатор старой школы, Марк Аврелий. Ты дрался тупым оружием и лишь обозначал удары. А я... Я – другой. Теперь победа означает смерть противника. Правила изменились... Быть гладиатором – значит иметь возможность прифинишить по-настоящему. Открыто, а не тайком. – Неужели он это говорит Элию? Неужели? Зачем? Во рту противный привкус. Комок застрял в горле. Всеслав сглотнул, пытаясь прогнать его. Сделалось только хуже. Его затошнило. Улыбка превратилась в мерзкий оскал. Всеслав провёл ладонью по лицу, будто пытался стереть улыбку, но не получилось.

Странно, но Элий слушал его, не перебивая. Только лицо римлянина все больше камелло.

– Теперь другие времена! – закричал Всеслав, внезапно взъярившись. – Другие! Нет больше условных ударов... нет, паппусик...¹² – Тошнота вновь накатила. Он согнулся пополам, и его вырвало. – Извини... – Он не знал, за что извиняется – за свои слова или за извергнутую блевотину.

– Да пойми ты... сейчас надо убивать... надо... – Комок в горле душил его и не давал говорить, и это приводило Всеслава в ярость. – Нельзя драться деревянным мечом¹³! Нельзя! Я на арене. А на арене либо ты убиваешь, либо убьют тебя. Гуманизм – это ваши римские басни! Понял? – Стало немного легче. Чего хочет от него Элий? Раскаяния? Ну уж нет...

И зачем он унижается перед этим римлянином? Подумаешь, Цезарь Империи... Цезарь он в прошлом, а теперь – никто, Перегрин... бывший раб... и плевать, плевать...

– Ты убивал на войне? – спросил Элий, будто нож приставил к горлу.

Всеслав растерялся:

– Нет, не довелось. А вот меня самого чуть не убили.

– Ты был ранен?

– Контужен. Сознание даже потерял.

– Где?

Всеславу показалось, что нож, приставленный к горлу, разрезает кожу.

– На Калке. Через мост удирал. А за мной по пятам монгол. Огромный, на огромном коне... тут мост и рванули.

– А монгол? Тот, что за тобой гнался? – Элий схватил юного гладиатора за плечо.

Всеслав вновь ощутил почти физическую боль. И едва не закричал.

– Погиб, наверное... – Губы бормотали сами, как чужие. – Живым я его точно не видел. А меня так контузило, что голова десять дней разламывалась.

– Значит, в самом деле так... – только и проговорил Элий и спешно отошёл.

Всеслав зачем-то кинулся вслед за ним, но почти сразу же передумал, вернулся и рухнул на скамью.

¹² Паппус – старик.

¹³ Деревянный меч вручали гладиатору, когда он покидал арену.

Подошёл Эмпедокл, присел рядом на корточках, как собачонка. И опять же, как собачонка, заглянул в глаза. На лбу у Эмпедокла круглилась солидная синяя шишка. Это Сократ его приложил – в «детском» поединке.

– Ты здорово дерёшься, Сенека, – сказал Эмпедокл.

– Что тебе надо? – зло буркнул Всеслав. Похвала, как и упрёки, вызывала тошноту.

– Ничего. Просто хочу сказать, что ты отлично дерёшься. Пойдём куда-нибудь повеселимся?

– Повеселиться? – переспросил Всеслав. – Это можно. Надо отметить победу...

– Эпикур с нами, – предложил Эмпедокл.

– Идёт.

Всеслав натянул куртку и поднялся. Стараясь держаться независимо, двинулся к выходу. Эпикур и Эмпедокл – за ним.

Он шёл, будто кто-то невидимый толкал его в спину. Куда? Зачем? Он не знал. Знал только, что Элий с ним не пойдёт.

VI

Ветер с Невы срывал с деревьев листья и гнал их по дорожкам. Осенью Летний сад прекраснее всего. Когда на чёрный причудливый узор ветвей накинута горящее золото, белые мраморные скульптуры, больше двух веков назад привезённые из Италии, кажутся живой плотью. Все эти мраморные боги и богини лукаво и насмешливо поглядывают на прохожих, подмигивая друг другу обведёнными золотом глазами, будто спрашивают: «И зачем мы забрались в такую даль, где по полгода надо сидеть в деревянных ящиках под толстым слоем снега?»

Гладиаторы шагали по аллее. Всеслав – впереди. За ним – Эмпедокл с Эпикуром. Их сразу отличали в толпе – по одинаковым белоснежным нарядам среди пёстрых курток и плащей – в Северной Пальмире они, как смертники, носили белое. А ещё больше их отличало нагло-самодовольное выражение лиц. У Эпикура левая рука была перевязана – меч Элия задел его. Вернее, Эпикур сам руку подставил под клинок. Дилетант... И Всеслав дилетант. Никто из них не заканчивал гладиаторской школы. Давно известно, что все её выпускники, едва получив свидетельства, уезжают из Северной Пальмиры в Рим. Бредят Колизеем. А на арену в колонии выходят самоучки. Недаром Перегрин, калека Перегрин, так легко разделался со здоровяком Эпикуром, который лет на пятнадцать моложе. Школа! Всеслава охватила непереносимая зависть: немедленно, сейчас захотелось ему стать вровень с Элием Перегрином. Пусть Элий другой, пусть ни в чем не схож со Всеславом – все равно. Лишь бы быть таким, как бывший Цезарь, – уверенным в себе и непобедимым. Главное – непобедимым. Непобедимым, как любой римлянин... Но почему?! Почему они поднимаются вновь и вновь после каждого поражения с фатальным упорством? Почему? Ведь цивилизация перед лицом варварства так хрупка, как эта мраморная статуя Нимфы воздуха. Один удар – и все...

Или они тоже – варвары? Да, да, они варвары, вся их цивилизация – притворство.

– Повеселимся? – спросил Всеслав.

– Давай! – отозвался Эмпедокл.

Всеслав вскочил на цоколь статуи, радостно гаркнул:

– Круши! – И снёс одним ударом меча голову Нимфе воздуха.

Прекрасная сталь. Чудесная сталь. Разящая сталь...

– Бей! – взялся за статую Талии¹⁴ Эмпедокл. Пьяный от возбуждения, он поминутно хохотал.

Какая-то женщина шарахнулась в сторону и закричала. Всеслав кинулся ей наперерез:

¹⁴ Талия – муза Комедии.

– Не нравится? А может, и тебе, красотка, голову снести?

Женщина нелепо подпрыгнула, замахала руками и побежала прямо по траве.

– Не надо, – сказал Эпикур. – Что ты делаешь? Зачем?

Всеслав подошёл, поигрывая мечом:

– Тебе не по вкусу наше веселье, Эпикур?

– Это варварство. – Эпикур старался не смотреть на Всеслава.

– Варварство? Что ты подразумеваешь под варварством? Это римляне настоящие варвары, у них нет ни собственной культуры, ни собственной философии, все ворованное, кроме их наглого самомнения. Варварство – поклоняться чужим богам и забывать о собственных. Зачем нам эти плоскогрудые богиньки с пороссячими мордочками, все эти Нимфы, Дриады и Нереиды? – Он поднял меч. И это говорит он, Филоромей? Что с ним? Он спятил? Ведь он это все любил и любит. «Замолчи!» – крикнул он сам себе.

– Может, разmozжить твою глупую голову, Эпикур, и вытащить наружу червяка, которого вживили тебе в черепушку римляне? Или ты не слышал, что они вживляют под кожу червяков, и тогда человек навеки становится их рабом?

Эпикур молчал.

– А он боится, – хихикнул Эмпедокл.

– Я, пожалуй, не буду разбивать твою голову, – усмехнулся Всеслав. – Если ты расквасишь какую-нибудь из статуй. Расквасишь – и ты спасён. Или на очереди твоя голова.

– Давай, займись Талией! А? – поддакнул Эмпедокл.

Всеслав почувствовал, что ладони сделались мокрыми и по спине побежала струйка пота. «Остановись! Остановись! – кричал он сам себе. – Что ты делаешь?! Зачем?! Разве сможешь ты ещё раз прийти в этот сад?! Ведь ты так любил эти аллеи и эти статуи! Зачем ты их разрушаешь?!»

– Чтоб тебе в Этне сгореть, – пробормотал Эпикур, не двигаясь с места.

Всеслав замахнулся. Эпикур прикрыл глаза. Ослепительная вспышка... Все?

Очнулся Эпикур лежащим на траве. Всеслав наступил ему сапогом на щеку и вдавливал лицо во влажную почву.

– Я убью тебя на арене, Эпикур. Обещаю.

И презрительно сплюнув, отошёл.

– Он убьёт тебя на арене! – захохотал Эмпедокл и пнул лежащего в бок.

– А потом я убью Элия! – заорал в ярости Всеслав и пошёл по аллее, размахивая мечом и рубя воображаемого противника. Это был его любимый сад, но он знал, что никогда сюда не вернётся. Как не сможет больше подойти к библиотеке, перед которой он разбил статую Венеры.

Он не заметил, что среди шуршащих листьев скользит маслянистое гибкое тело пёстрой змеи.

VII

Всеслав спустился в ресторан при гостинице. И сразу увидел её. Вернее, сначала её отражение в огромном зеркале. На ней было платье цвета морской волны, пшеничные волосы уложены под золотую сетку, губы ярко накрашены. Лицо надменное, почти отталкивающее. Но именно надменностью она и привлекла Всеслава. Такая ему и нужна. За столиком она возлежала одна. Но едва гладиатор направился к ней, как официант его остановил:

– Домна просила её не беспокоить.

Но Всеслав отстранил официанта и пробился к столику.

– Прости, красавица, – обратился он к незнакомке. – Я не надоеда какой-нибудь, я – Всеслав. Гладиатор. Сегодня дрался на арене и победил.

Она повернула в его сторону голову и несколько секунд рассматривала его, как какую-то интересную вещь. У Всеслава были светлые волосы, брови и ресницы тоже светлые, а глаза – тёмные, карие.

Незнакомка указала на ложе напротив.

– Поставь ещё один бокал, – приказала официанту.

– Я – гладиатор Всеслав, – повторил юноша.

– Лета, – последовал ответ. – Угощайся.

Удивительное имя, ко Всеславу понравилось. Смерть и красота – они всегда рядом, всегда оттеняют друг друга. Как белое на чёрном, как пурпур на светло-зеленой траве. Он вдруг обнадежился. И как же иначе? Ведь он – гладиатор.

– Ты – такая красавица и так щедра...

– Мелочь, – оборвала она его излияния. – Все – мелочи. Одни мелочи... – Она прерывисто вздохнула, потом рассмеялась кратко и зло. Он заметил тонкую, будто прорезанную скальпелем, морщинку возле её рта. А ведь она молода...

Он уловил запах её духов, модных и очень дорогих. «Вененум». Что значит – «яд».

– Чем же мне тебе услужить?

– Мелочью – чем же ещё? – Она осушила бокал и улыбнулась. Но не Всеславу, а так – своим мыслям. Он не знал, что и думать. Может, она приглашает его к себе в номер? Нет, на пролог к свиданию пока не похоже. И все же...

– Ты здесь одна, – осмелился он предположить. Он то робел, то обнадеживался и становился нагл – попеременно. – Замужем?

– Разведена.

– Неужто какой-то идиот решил тебя бросить? – Его возглас был слишком горяч. Надо было сдержаться, но он не сумел.

– Я его разлюбила.

Странно она как-то говорила с Всеславом. Так, будто виделись они в первый и в последний раз. А он многого ждал от этой встречи.

– Ничего страшного, – он рассмеялся. – Бывает. Ты так красива... Да любой... В тысячу раз лучше прежнего...

– Лучше никого нет, – оборвала она.

– Но ты говоришь, что его не любишь! – Всеслав не знал, что и думать. И что говорить.

– Это не имеет значения. Он не стал от этого хуже. – Голос её дрогнул.

– Я тоже любил. Я знаю! Я боготворил её, писал её портреты, а она... предпочла этого недоумка. Правда, теперь он слеп на один глаз. – Каждое слово его было – яд. Он пьянел от этого яда и распался все больше. – Но уродство мою бывшую любовь не смущает. Жаль, я не убил его тогда, на поединке. Может быть, убить теперь?

Лета поднялась.

– Что ты хочешь больше всего? – спросил он, подаваясь вперёд и глядя на неё снизу вверх.

– Все забыть, – ответила она очень тихо после паузы.

– Зайдём ко мне в номер, – предложил он. Не надеялся, что она соизволит ответить.

Обожжёт взглядом и уйдёт. Он ждал.

И она вдруг сказала:

– Зайдём.

VIII

Они шли по коридору, и он обнимал её за плечи. Она склонила голову к нему на плечо. Но как-то бесстрастно. Будто кукла.

Он открыл дверь, и она первой шагнула в номер.

Он не хотел зажигать свет, но она зажгла. Сняла с головы золотую сетку. Окно было открыто. Ночной ветерок шевелил пряди её пшеничных волос. Красавица...

Он вновь оробел. Прежде таких красоток у него не бывало. Римлянка. И богачка наверняка. Сразу чувствуется, когда женщина богата.

Стоило девушке войти к Всеславу в номер, как юноша почувствовал себя вроде как в гостях, а она – дома. Эта врождённая способность римлян присваивать все, даже не посягая, многих раздражала. И Всеслав тоже ощутил смутное беспокойство и раздражение, хотя Филоромея все римское должно приводить в восторг. Все римское, но только не эта черта.

Лета остановилась у окна и долго смотрела на Заневский проспект, на текущий под окнами поток машин и спешащих куда-то людей. На повозки, катящиеся с радостным тарактением по булыжной мостовой. На тумбы, украшенные яркими афишами. На мраморные колоннады, в каждой из которых было по 1400 колонн высотой 50 футов – почти точные копии четырех знаменитых пальмирских колоннад. Во влажных сумерках плавали золотые шары фонарей и здания, так похожие и одновременно не похожие на римские. Всеслав хотел её окликнуть, но не смел. Ему казалось, она где-то не здесь.

Наконец она тряхнула головой, огляделась, будто видела эту комнату впервые, заметила брошенную на ложе мужскую тунику, кодекс на столике и рядом недопитую бутылку галльского вина... И шагнула к двери. Но он не дал ей пройти, привлёк к себе, потянулся губами к её губам. Она упёрлась кулаками ему в грудь. Как будто не сама пришла сюда, как будто не понимала, зачем шла.

– Пусти, – прошептала.

– Зачем? Ты мне нравишься, любя моя...

– Я должна уйти.

– Почему?

– Пусти! – Она упёрлась изо всех сил руками ему в грудь.

– Ни за что! – Он уже не обнимал её, а держал, как щенка, мощной рукой за платье. – Чего ты боишься? А впрочем... Хочешь бежать? Беги! Вон окно раскрыто.

Он отступил и поглядел на неё с усмешкой. Он торжествовал.

Она вернулась к окну. Глянула вниз. Потом вверх... И вдруг перешагнула подоконник. Перешагнула и исчезла. Он бросился следом. Высунулся наружу. Внизу, на мостовой тела не было. Но слева, окон через десять или двенадцать, он увидел раскрытую раму. Несомненно – её окно. «Вот стерва – убежала по карнизу!» – восхитился Всеслав. Но как она успела? Только от гладиатора так легко не сбежишь – он может добраться следом. Такие путешествия Всеслав проделывал, и не раз, по фасаду куда менее пригодному для рискованных путешествий. Он выбрался наружу, ухватился за ближайшую пилястру. Карниз был мокрый – сорваться ничего не стоило. Ну и плевать! Зато на арене не убьют. Он шёл так, будто всю жизнь ходил по карнизам, ни разу не оступился.

И вдруг кто-то дёрнул его за волосы. Всеслав едва не скатился вниз. Вцепился в раму ближайшего окна и оглянулся. Лета висела в воздухе в трех футах от него.

– Куда ты собрался? – спросила насмешливо.

– К тебе в гости, любя моя. От меня не убежишь.

– Не дойдёшь, – рассмеялась она. Видать, не в первый раз так развлекалась.

Он оттолкнулся от карниза и прыгнул, как кошка, повис на летунье и потянул к земле. Она рванулась в небо огромной птицей, но притяжение двух тел пересилить не могла. Они снижались, не быстро, но снижались. Одна незадача – влажный шёлк её платья выскальзывал из пальцев, вытекал водой. Всеслав зажал ткань в кулаке... и вдруг – крак! Тончайший шёлк лопнул, и в руках у гладиатора остался лишь клочок ткани от подола. Всеслав грохнулся на мостовую. А забавница взмыла вверх. Он слышал её смех в вышине.

Всеслав провёл ладонью по лицу. Смерть Зенона, Нимфа воздуха, потом это гулянье по карнизу...

Он сходит с ума. Не надо было идти на арену. А куда ему теперь идти? Куда?

Глава V Игры в Риме

«Появление диктатора Бенита в амфитеатре Флавиев на Римских играх встречено возгласами искренней радости. Да здравствует ВОЖДЬ!»

«Под мудрым правлением Бенита Рим процветает. Только диктатор Бенит знает, что означает мечта Империи. Только диктатор Бенит может удержать провинции в повиновении».

«Альбион делает ряд безобразных заявлений. Коллегия фециалов рассмотрит вопрос об отношениях с Альбионом в ближайшее время».

«Акта диурна», 4-й день до Ид сентября¹⁵

I

Всякий раз когда планировалось открытое заседание сената, Логос являлся в курию. Он останавливался у дверей и слушал. И чем дольше слушал, тем больше недоумевал. Поток сладкой лести и пустых рассуждений лишь изредка прерывался злобными выпадами, по сути своей такими же бессмысленными, как и лесть. Отцы-сенаторы стремились перещеголять друг друга нелепостью заявлений. Постепенно Логос перестал слушать их выступления. Слова обтекали его потоками мутной воды. Он пребывал в полусне и лишь старался дышать как можно глубже. Ведь он – Логос и может пропитать разумом даже каменные стены. Тогда люди поймут, что быть подлым недостойно человека разумного, что подчиняться Бениту – значит губить Рим, что нелепо из бывших друзей создавать смертельных врагов.

Он пытался вдохнуть в людей мудрость своей божественной сути. Но не получалось. Отцы-сенаторы не становились умнее. Напротив, они как будто глупели раз от раза. И Логос не мог понять, почему.

Очередное заседание закончилось, Логос вышел на форум.

Разум не может быть вне добродетели, утверждают стоики. Бывший гладиатор, ставший богом повторял эти слова, пытаясь вникнуть в их смысл. Если он, Логос, бог разума, то может он быть вне добродетели? Или то, что он делает, – уже добродетель? Или если он не поступает добродетельно, то он – не бог разума? Если совесть – это со-знание, со-понимание, то не является ли он, Логос, богом Совести¹⁶?

– Н...т... – сказал кто-то над самым его ухом.

Логос повернулся. На базе статуи Марка Аврелия висел чёрный лоскут.

Логос протянул руку. Лоскуток спустился вниз, прыгнул, как белка-летяга, и прилип к запястью. Логос тряхнул рукою, но скинуть неведомую тварь не сумел.

– Н...н г...н, – прошептал чёрный лоскуток и перебрался поближе к локтю.

– Хорошо, не буду гнать. Что ты хочешь от меня? – удивился Вер.

– Б...т... – отвечал лоскуток.

Все хотят быть. И что из того?

– Ты знаешь, кто я? Пойдёшь со мной, куда я пойду?

– П...д...

– Зачем?

¹⁵ 10 сентября.

¹⁶ Conscientia– совесть, scientia– знание, понимание.

– ...сп...лн...ть ж...л...н...

– Исполнить желание? Почему бы и нет. Я тоже исполняю желания.

– К...к...?

– Ещё не знаю, какие...

– Чь... ж...л...н...?

– Желание Элия, – отвечал Логос и сам подивился такому ответу.

Получается, что он всегда исполняет желания Элия. Какой-то заколдованный круг. Даже когда Элий далеко, из Цезаря превратившийся в жалкого изгнанника, все равно Логос-Вер исполняет желания Элия.

– Ну что ж, будь со мной, мой неожиданный друг, – милостиво разрешил Логос.

Чёрный лоскуток плотнее обвил запястье. На мостовую упала прозрачная капля. Вер не мог избавиться от ощущения, что его странный знакомец плачет.

– Не плачь... – сказал Логос. – Впереди у нас много дел. За делами можно многое забыть.

– М...рк...м...р, – выдохнул едва слышно чёрный лоскут.

– Умер? Марк? Кто это?

– С...н, м...й с...н.

– Твой сын? Марк Проб? Так ты Луций? – В ответ послышался тяжкий вздох.

Неужели в самом деле Луций? Луций Проб – один из бессмертной «Нереиды»? Человек в зависимости от обстоятельств может сильно измениться. Но кто бы мог подумать, что настолько?

II

Меркурий заглянул в комнату к Юпитеру. Старик что-то внимательно рассматривал, склонившись над столом. «Старик» – в Небесном дворце Юпитера уже никто не именовал иначе.

Странно, но Юпитер не оглянулся. Не слышал... не почувствовал, что в комнате кто-то есть. Или сделал вид, что не хочет обращать внимания? Пренебрегает?

Меркурий кашлянул. Юпитер что-то спешно сдёрнул с лица, зажал в кулаке и только тогда обернулся. Вид у него был растерянный, царь богов подслеповато шурился, глядя на сына. Значит, в самом деле, не знал, что Меркурий пришёл. Бог – и не знал...

Покровителю проходимцев сделалось неловко, он опустил голову и принялся рассматривать мозаичный пол.

– Так ничего и не придумали, – проворчал Юпитер. – Обещали устроить все дела, отправиться к другой звезде. Через тернии, как говорится, к звёздам. И что же? Все застопорилось. Сидим тут.

Божественное старческое брюзжание.

– Так получилось... – Подходящих оправданий не находилось – даже Меркурию сказать было нечего. Да и плохо ему сегодня думалось – от флюса щека раздулась. Какие мысли могут приходиться в божественную голову, если у бога – флюс?

– Ладно, присядь, – Юпитер кивнул на плетёное кресло, в котором любила сживать Минерва. Наверняка сестрица уже побывала сегодня у отца, но ничего толком сказать не могла. И ушла злая-презлая.

Меркурий присел. Будто ненароком бросил взгляд на сжатую в кулак руку отца. Разглядел черепаховую дужку и блеснувшее в ней толстое стекло. Очки! Юпитер надевал очки. Невежливо! Уж лучше бы папаша занялся мастурбацией...

– Не думаю, что покинуть Землю – лучший вариант, – пробормотал Меркурий. – Я бы предпочёл остаться.

– Надеешься подлизаться к Логосу?! – пророкотал Юпитер. – Не выйдет!

– Логос тут ни при чем, – Меркурий лгал, конечно, но лгал только наполовину. – Сам посуди: люди столько тут всего создали – города, библиотеки, заводы, сады, картины, скульптуры, книги... Миллионы и миллионы трудились. И все зря? Как-то нехорошо.

– Что ты говоришь, Меркурий?! – возмутился царь богов. – Разве бог должен *уважать* труд людей? Разве бога волнует, чем заняты люди?

– Да, наверное... А впрочем, не знаю. Но зачем мы тогда, если нас не волнует *это*?

– Мы выше этого. Мы недостижимы.

– А они, люди, достижимы? – осмелился возразить Меркурий. – Они для нас достижимы? Прямая задача не решается. А обратная?

А что если подарить ему футляр для очков? Хороший футляр, из черепахового панциря. Приношение и унижение – одновременно. Меркурий едва подавил дерзкое желание. И все же! Что сделает Юпитер, получив подобный дар? Шарахнет перуном или расплатится? И то и другое отвратительно.

– У Логоса научился, – проворчал царь богов. – Ну-ну... рассуждать будем после. А пока постарайся, поищи-ка пропавшие яблоки Гесперид. Те самые, что стащил твой братец Логос.

Приказ Юпитера был недвусмысленным. Однако Меркурию противно было его выполнять. Тащиться в другую галактику не хотелось. Даже ради спасения бесконечной жизни – нет. Хотелось остаться дома. Но остаться – равносильно смерти. Вот так задача! Даже призвав на помощь всю свою божественную хитрость, покровитель жуликов и воров не мог её решить.

III

Простой смертный ничего бы не услышал. Смертный – нет. Но Логос различил движение: не шорох, не шаги – всего лишь присутствие бога. С некоторых пор он всегда оставлял по ночам в спальне горящим ночник, чтобы, открыв глаза, увидеть именно свет, а не тьму. Свет как точку отсчёта. И в свете ночника Логос различил силуэт.

– Привет, братец, – сказал нарочито громко.

Тот, кто рылся в его шкафу, сразу почувствовал, что разоблачён, и обернулся. Попытался прикрыть хитровой улыбкой растерянность.

– Не ждал тебя в гости, – сказал Логос.

– Да вот решил заглянуть... Как поживаешь? – Улыбка Меркурия сделалась ещё фальшивее. Впрочем, какая улыбка, к Орку? Щеку божественного жулика уродовал огромный флюс.

– Ищешь яблоки? Неужели думаешь, что я стану их держать в спальне под кроватью?

– А где? – Меркурий попытался придать лицу наивное выражение.

– Тебя прислала Минерва.

– Вообще-то Юпитер... – начал было Меркурий, но так неуверенно, что и смертный бы догадался – врёт.

– Минерва, – удовлетворённо кивнул Логос. – Старик уже ничего не решает. Так?

– Все-то он знает... юный бог всегда все знает. В отличие от стариков.

– Я же Логос.

– Подумаешь, Логос! – Меркурий обиделся. – Меня тоже именовали Логосом. И Добрым пастырем, и Трисмегистом, то есть Трижды Величайшим, да что толку! Надену этот дурацкий кокон, отправлюсь на планету возле жёлтого карлика – и все потеряю.

– Ты же был против переселения, – напомнил Логос, – неужели согласился?

– А куда деваться?! Куда, скажи?! У меня зубы стали портиться. Представляешь, кошмар – бог и с гнилыми зубами! Помчался к Эскулапу, говорю, лечи. А он: «Нет у меня машинки для лечения зубов». И говорит мне Эскулап: «Создай машинку, я тебе зубы вылечу». Ну, я не дурак. Ведь я не дурак, я бог и к тому же покровитель жуликов, а заодно и промышленности. Помчался на Землю, взял со склада новое оборудование, притащил в Небесный дворец.

Полдня налаживал эту идиотскую машину. Полдня! А у меня зубы болят! Наконец машина заработала, Эскулап мне там чего-то посверлил, замазал. А теперь у меня флюс. Я уже на все согласен, даже на переселение. К тому же Минерва клянётся, что переход будет мгновенным. Это называется... ну вот забыл... Бог и забыл. Ах да! Нуль-транспортировка.

– А если у тебя на этой новой планете заболят зубы?

Меркурия такой вопрос обескуражил. Он снял с головы крылатый шлем, взъерошил волосы.

– А я залечу все зубы перед отъездом! – воскликнул он радостно.

– За миллиард лет, пока появятся на твоей новой планете первые дантисты со своими машинками, наверняка у тебя все зубы развалятся. Уж коли зубы начали портиться, то процесс не остановить. Есть только один выход: отправиться к дантисту здесь, на Земле, и вырвать все зубы.

Меркурий тут же схватился двумя руками за челюсть. И Логос понял, что выиграл этот маленький словесный поединок.

– А может, зубы вновь вырастут. Я же бог!

– А если нет? Придётся заказать вставные челюсти.

– Бог со вставными челюстями? – Меркурий призвал на помощь все своё божественное воображение, чтобы оценить такую перспективу.

– Ладно, где Минерва? – небрежно спросил Логос. – Ждёт за дверью? Или отсиживается в своём храме? Пригласи сестрицу, потолкуем о жизни.

– О чем нам с тобой толковать?! – Минерва явилась, едва сдерживая гнев. Во всяком случае, волосы Медузы Горгоны на её эгиде стояли дыбом. – Ты украл яблоки, как последний воришка. А теперь выдвигаешь условия! Неужели ты думаешь, что мы все вместе не справимся с тобой?!

– Справиться-то вы справитесь, – согласился Логос. – Но яблок не получите.

– Зря мать отдала тебя на воспитание плебейке. Теперь на всю свою божественную жизнь ты останешься плебеем!

– Хорошо, я буду Логосом Плебейским, – согласился юный бог, смеясь.

– Итак, Логос, яблоки! Каждый лишний день, проведённый на Земле, делает наше путешествие все более опасным, ты это знаешь.

– Минерва, у тебя не болят зубы? – поинтересовался Меркурий. – Нет? А когда ты последний раз была у дантиста? Нам перед отлётом придётся вырвать все зубы, – трагическим тоном сообщил Меркурий.

– А как же мы будем жевать золотые яблоки? – поинтересовалась Минерва.

– Яблок все равно у нас нет. И потом, дорогая сестрица, почему бы нам не поговорить, не обсудить предложения Логоса? У него свежий взгляд на вещи. Так мерзко переезжать из отчего дома... И твои любимые Афины? Ведь их на новой планете не будет. Не говоря о том, что это Туманность Андромеды. Вдруг Андромеда будет там главной?

– Так... – Минерва нахмурилась, поглядела сначала на Меркурия, как будто собиралась испепелить его взглядом, потом на Логоса и вновь произнесла протяжно: – Та-ак...

– Поговорим, – предложил Логос. – Поговорим, дорогие мои мудрые собожества, о том, что мы можем сделать для Земли.

– Логос Плебейский, ты невыносим.

– Да, есть одна замечательная особенность у плебеев. Они постоянно размножаются. А патриции мало-помалу вымирают. Тогда часть плебеев переводится в разряд патрициев, и новые патриции опять вымирают. И так – до бесконечности.

– Очень умно. Просто поражаюсь твоим наблюдениям, братец. Только ответь, что ты, Логос, делаешь как бог? Да, да, именно! Чем ты занят как бог Разума? Мне кажется, что ты ведёшь себя совершенно как человек.

– Я пребываю в этом мире и стимулирую разумную деятельность, насыщаю мир разумом...

– Он пребывает! – прервала его Минерва возмущённо. – Какое прелестное занятие для бога. Он пребывает! И каков эффект? По-моему – никакого. Я, конечно, не воплощённый Разум, а всего лишь Мудрость, но я чую вонь чудовищной ошибки. А ты, братец, разве нет?

Логос нахмурился:

– И в чем моя ошибка?

– Ха, если б я знала! Ошибки всегда замечают слишком поздно. И люди, и боги.

– У меня есть одна идея, – подал голос Меркурий. – Все-таки я... ну да ладно. Так вот: надо покрыть Небесный дворец толстым слоем свинца. Это даст нам хотя бы передышку и...

– А дворец не упадёт при этом на Землю? – спросила Минерва.

– Не хотите – как хотите. Есть другой вариант. Создать себе защитные покровы по принципу украденных яблок. Мы останемся на Земле, но будем в безопасности.

– Ты знаешь этот принцип? – опять подала голос Минерва.

– Нет... Но Логос нам скажет.

– Не скажу. Вы создадите защиту и удерёте с Земли.

– Тогда у меня больше нет идей, – сказал Меркурий и потрогал раздутую флюсом щеку.

– Я знаю, чего хочет Логос! – Минерва сделала значительную паузу. – Он хочет, чтобы мы все умерли, а он остался в гордом одиночестве. Единственный бог на Земле.

– Он тоже постареет, – вмешался Меркурий. – Пусть и на пару тысяч лет позже...

– Не постареет, излучение его не старит. Он метаморфирует, то есть постоянно меняется под его действием. Люди даже не поймут, каков их бог. Будут думать, что гневен и суров, а он уже изменился и стал добрым. Вчера мудрец, послезавтра дурачок, сообщающий откровения. Он и сам не будет знать, в кого превратится в ближайшую сотню лет. Оставь людей, Логос! Мы были с тобой союзниками. Не ожидала, что ты меня предашь.

– Мы и сейчас союзники. Только ты воображаешь, что можешь уйти с арены. А я-то знаю, что уходить некуда.

Минерва вздохнула, чуточку театрально:

– Ну что ж, ты останешься на арене. Потому как после твоей выходки Юпитер тебя не возьмёт с собой.

– Я буду более милостив, – рассмеялся Логос. – Я не выгоню остальных богов с Земли.

– Перенесём наше совещание на другой раз, – предложил Меркурий. – А то у меня опять зуб дёргает. Пора бежать к Эскулапу...

– Зачем тебе Эскулап? – пожал плечами Логос. – Сходи к какому-нибудь земному дантисту. Правда, это будет тебе стоить немало, поскольку ты не состоишь в списках архиятера, но я дам тебе пару ауреев.

– Логос, дело Земли – дело конченное, тут нечего обсуждать.

– Минерва, у тебя есть мечта?

Богиня задумалась:

– Разве у богов бывают мечты?

– А как же иначе? – Логос торжествующе улыбнулся. – Меркурий, а у тебя?

Меркурий почесал затылок и даже на секунду забыл про свой флюс:

– Мечта... Я бы хотел играть на бирже, и чтобы мне не мешали. Но меня почему-то постоянно дёргают – сделай то, сбегай туда-то...

– Мечта богов, – повторила Минерва задумчиво, – Даже не представляю. Но знаю, куда ты клонишь. Хитёр ты, братец! Ну что ж... Если хочешь, чтобы мы остались на Земле, сделай так, чтобы наше существование стало безопасным.

– Обезопаситься от людей... Это будет покруче всех подвигов Геркулеса, вместе взятых, – пробормотал Меркурий, выгребая из резного ларчика монеты. – Люди – как дети, лезут куда

не надо, и запрещать им совершенно бесполезно. Сейчас они балуются с ядерной энергией, потом начнут в космос летать, а потом доберутся до антиматерии. Крак! И нашей Вселенной придёт конец вместе с нами.

– Только не надо все валить на людей! – возмутился Логос. – Вспомни, какую заварушку устроили гении. Да и вы, боги, хороши!

– Мы, боги! – поправила его Минерва.

– В данном случае вы, потому что я на Земле. А вы в Небесном дворце. Вы же так разжирели и обленились, что вам ни до чего нет дела. По-моему, давно пора растрясти жирок.

– И я про то же! – поддакнул Меркурий. – Ну ничего, вот Аполлон достроит новый гимнасий, и мы будем тренироваться по два часа в день непременно.

– Заткнись! – приказала Минерва. – Или надобность в дантисте отпадёт сама собою.

– Да молчу я, молчу, а то бы мог поведать и о той интрижке, что провернул наш обожаемый Марс...

– О чем мы спорим! – вдруг закричал Логос в ярости. Глаза его налились кровью. – О чем? Вы сами понимаете?! Я – нет! Нет! Объясните мне, богу Разума, немедленно! Чего вы, боги, хотите?

В прозрачных ледяных глазах Минервы мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

– С тобой что-то не так, – проговорила она задумчиво, и голос её дрогнул. – Что с тобой?

– Не знаю! – Логос затряс головой. – Я как будто болен. Но ведь боги не болеют. Мне кажется, я – это не я. Но как может богу что-то казаться? Что такое иллюзия бога?

– Надежда, – сказала Минерва и улыбнулась. Но улыбка её не сулила ничего хорошего.

– Надежда, которая осталась на дне шкатулки Пандоры, после того как все беды ринулись на свободу. Получается, Земля – шкатулка Пандоры?

– Не стоит доводить рассуждения до логического конца. Я, признаться, тоже иногда этим грешу. Неприятное ощущение.

– Да уж, – поддакнул Меркурий. – Как будто совершил половой акт, а спазм Венеры так и не наступил.

– Пока есть иллюзия... или надежда... Не закрывайте дверь к себе, – попросил Логос так, будто сам был не богом, а человеком. И опять Минерва посмотрела на него внимательно и с сочувствием. – Очень прошу...

– Хорошо, попробуем что-то сделать. Люди должны вспомнить о границах, поставленных богами. А боги должны... – Она засмеялась и тряхнула головой. – Нелепо звучит: боги должны. Правда?

– Нет. Не нелепо.

– Хорошо, действуй, Логос, – прервала его Минерва, – а я займусь богами.

– Надо мной заниматься! – взмолился Меркурий. – Я всегда был твоим самым преданным союзником.

– Идём, – Минерва подтолкнула его в спину. – Я провожу тебя к дантисту. Или сама вырву тебе зуб.

IV

Марцелл появился в клинике Нормы Галликан этим ничем не примечательным сентябрьским утром. В таблин вошёл дородный человек лет тридцати пяти с чёрными вьющимися волосами, с некрасивым, но значительным лицом, с тяжёлым взглядом тёмных глаз. Именно таким и надлежит быть римлянину – степенным, неспешным в движениях, повадка должна выдавать властелина.

– Рад приветствовать от всей души боголюбимую Норму Галликан! – сказал он и улыбнулся. И даже как будто подмигнул слегка. Но без тени фамильярности, а как старой знакомой. И даже больше чем знакомой.

Она смотрела на Марцелла и не могла отвести взгляда. Понимала, что глупо, понимала, что так нельзя, но ничего поделать с собой не могла. А он как будто ничего и не заметил. То есть заметил, конечно, но не позволил себе ничего дерзкого – ни наглой улыбки, ни неуместного смешка. Разложил бумаги на столе, пояснил мягким вкрадчивым голосом:

– Я по объявлению насчёт работы. Прежде был членом коллегии медиков в Медиолане. А теперь римские медицинские центурии меня не желают принимать в свои ряды. – Он сделал паузу и выразительно посмотрел на Норму. Этот взгляд говорил, что она просто обязана его принять, что он лучше всех. Она в том и не сомневалась.

– Мы... – Она кашлянула, потому что голос внезапно охрип. – Мы не обращаем внимания на подобные мелочи. Может быть, кофе?

– С удовольствием.

– Расскажи, чем ты намерен заниматься в моей клинике... – И внезапно потеряв всякий контроль над собою, спросила: – Ты женат? Понимаешь, это очень важно. Сможешь ли ты посвящать себя работе, не отвлекаясь на дела семейные? У нас бывает иногда очень много работы, приходится оставаться вечерами, так что жены очень часто недовольны... – Она говорила и все более запутывалась в собственных фразах. И наконец замолчала, потому что уже нечего было соврать.

А он и не подал виду, что удивлён вопросом, и сказал:

– Разведён.

– Это хорошо. То есть плохо. Но и хорошо. – И засмеялась, понимая, что говорит глупости. Кажется, с ней уже было такое однажды – в юности. Но потом она позабыла, что это значит, – терять голову.

Он засмеялся и прикоснулся к её руке. Будто электрический разряд пробежал от кисти к локтю. Как будто Норме было пятнадцать. Нелепо, глупо!

Он поднялся, подошёл к мраморному бюсту Элия, стоящему в нише, – копия работы Марции, не особенно удачная. Но сходство чувствовалось. Норма ценила бюст именно за сходство.

– Он достоин поклонения? – спросил Марцелл. Его голос звучал капризно, даже обиженно. – Твоего поклонения?! – Ей казалось, он хотел сказать: «Я не потерплю соперника!»

– Да! – запальчиво выкрикнула Норма. – Это же Элий! Ведь богам мы поклоняемся тоже.

– Так он бог? Прости, не знал. – В голосе – лёгкая ирония умного человека, который понимает, что смелость – это глупость. И самопожертвование – тоже глупость. Эта ирония вызвала лёгкую досаду, но притупить внезапно вспыхнувшее чувство не могла.

– Не бог, конечно. – Опять Норма смутилась. – Но я его уважаю... – Какое неверное лживое слово. Зачем она так говорит, зачем оправдывается?

– Я читал твои письма к римскому народу в «Вестнике старины». – Эти простые слова прозвучали как комплимент. – Я читал их и перечитывал. Много раз.

– Послушай, давай, вместо того чтобы пить кофе, пойдём в таверну пообедаем, – предложила Норма. Она не могла позволить ему встать и уйти из таблина. Она не могла с ним расстаться. Не могла – и все.

Он задумался. Он все время был задумчив. Казалось, он непрерывно размышлял над чем-то.

Даже в таверне за обедом он не утратил своего величавого вида. Он ел, отламывая маленькими кусочками хлеб, и после каждого глотка прикладывал салфетку к полным чувственным губам. Один его вид был значительнее, чем все труды Нормы Галликан.

– У меня всю жизнь была недостижимая мечта. Но сегодня мне кажется, что я к ней приближаюсь. – Он улыбнулся. И Норме захотелось вывести какую-нибудь новую формулу, которую не смог бы вывести даже сам Трион, и преподнести её в подарок Марцеллу. Он бы принял, проникновенно глянул бы в глаза и стиснул её пальцы и... Она бы почувствовала себя совершенно счастливой. Но не было на свете формул, достойных Марцелла.

– Поедем к тебе? – предложил Марцелл. Его «трирема» цвета слоновой кости вполне могла подойти сенатору. Марцелл вёл машину и курил табачную палочку. Норма Галликан чувствовала себя девчонкой, которую ухаждёр-лицеист пригласил покататься на папашином авто по Риму. «Машина не его», – подумала Норма, но не сделала никакого вывода, просто констатировала факт. Она вдруг утратила способность делать выводы. Она катастрофически поглупела.

– У тебя очень мило, – сказал Марцелл, когда они вошли в атрий её маленькой виллы.

Он льстил – дом давным-давно нуждался в ремонте: мозаика в атрии осыпалась, роспись в триклинии поблекла. Библиотека, правда, была сносной. Но нельзя же пить вино в библиотеке.

Они пили вино в спальне. Марцелл держался так, будто ни на что не претендует, но при этом покорён и примет любой её выбор. Он поцеловал её и отстранился.

– Ты меня удивляешь, – прошептал Марцелл.

Что-то в его словах все время её задевало. Втыкалось острой занозой в мозг. Но она отметала подозрения. Она не хотела ни в чем подозревать Марцелла.

– Я удивлю тебя завтра ещё больше, – пообещала Норма.

– Чем же, позволь узнать?

– Своей новой статьёй.

– Рим без ума от твоих статей.

– Может быть, и без ума, – согласилась Норма. – Но что толку? Сейчас надо действовать. А все выглядят парализованными. Как будто им на головы свалилась каменная плита. Но я не собираюсь сдаваться.

– Тебе надо попасть в сенат, – предложил Марцелл.

– Почему бы и нет? Бенит требует создать новую трионовую бомбу. Его надо остановить, пока для этого дела не нашлись добровольцы. Эх, если бы Элий был здесь! Но он не собирается возвращаться в Рим. Говорят, дал какой-то обет. Разве сейчас время обетов? Сейчас время действия. И только действия. Ты это очень хорошо понимаешь! – Она и сама не знала, откуда такая уверенность, что Марцелл её понимает. Он ничего не сказал, лишь пожал ей руку.

– А ты не можешь прочесть мне сегодня свою новую статью? – спросил он таким тоном, будто молил о величайшей милости.

Она вскочила с ложа и помчалась в таблин. Именно помчалась – вприпрыжку, как девчонка. Схватила первый экземпляр. Вернулась.

Она принялась читать своё новое «Послание». Марцелл слушал внимательно, иногда просил некоторые особо удачные места повторить.

– Это замечательно! – Несколько хлопков означали высшую степень одобрения. – Никто в Риме не может так написать. Только ты.

– Не надо мне льстить.

– Это не лесть. Это чистая правда. Я могу взять это с собой почитать более внимательно? Тут надо вдумываться в каждую фразу!

– Вообще-то я хотела отдать письмо сенатору Флакку. Но если ты вернёшь рукопись завтра, то я погожу денёк. – Она тут же вручила ему экземпляр.

– Если б только знала, какая ты умница! Ты не опубликуешь, пока я не прочту? Ведь так? – Он заглянул ей в глаза. – Может быть, я предложу добавить что-нибудь. О, разумеется, это мелочь, но может быть...

– Нет, нет, не мелочь, – запротестовала Норма. – Я ценю твоё мнение. Очень ценю.

– Ах, если бы ты знала, что ты за чудо! – И он глубоко вздохнул. И как будто после долгих колебаний, привлёк её к себе. Будто что-то его тяготило, томило, но он не желал подать виду. И от того тайного своего плена был несчастен даже тогда, когда целовал Норму.

– Кто ты? – спросила она между поцелуями. – Кто ты, мой таинственный Марцелл?

– Я – твоё счастье.

Глава VI

Игры в Риме (продолжение)

«Вчера по приказу диктатора Бенита охрана Дома весталок усилена. А ведь раньше весталок охраняло одно их имя».

«Требования Бирки о размещении её баз в портах Полонии недопустимы».

«Чтобы не дать нашему миру закостенеть, надо поддерживать постоянное состояние беспокойства».

«Акта диурна», 3-й день до Ид сентября¹⁷

I

Много лет подряд Валерия смотрела на огонь. Она смотрела на огонь и ослепла. Но не до конца. Она различала лица и дома, деревья и птиц, камни под ногами, позолоту на крыше храма. Видела статуи Великих весталок, стоящие вдоль бассейна, и их отражения на водной глади. Но при этом постоянно видела отражение огня. Огонь, пылающий в главном очаге Рима. Огонь, оберегающий его душу.

Уже давно она не отличала лица по характерным чертам. Ни нос, ни рот, ни скулы не интересовали её. Но она видела в зрачках горящие огоньки и понимала, что в душе собеседника пламя. Заглядывала в другую душу – и замечала лишь тлеющие угли. Начинала беседу с третьим и замолкала на полуслове – ибо в этой душе никогда не горел огонь. С некоторых пор ей все реже встречались огоньки в зрачках римлян, все чаще – тлеющие угли или остывший пепел. И она отворачивалась от людей. И с каждым днём мир за стенами храма становился все призрачнее, условнее. Мысль, что храм придётся покинуть, приводила Валерию в ужас. Она бы осталась здесь до скончания дней. Но Валерия была достаточно умна, чтобы понять, что едва минет тридцать лет её службы, она должна будет уйти. Уже сейчас Манлий высекает её статую, дабы установить у бассейна. В Доме весталок останется лишь её отражение в воде. А сама Валерия исчезнет.

После того как ей удалось вырвать Курция из лап Бенита, Валерию постоянно мучил страх. Она ожидала, что месть Бенита будет немедленной и страшной. Верма охраняла Великую Деву, не отходя от неё ни на шаг. Но день проходил за днём, и ничего не случилось. Они ждали нападения – никто не появился. При встрече Бенит был сама предупредительность. Но чем вежливее становился Бенит, тем больше пугал он Валерию. Возможно, Бенит простил и забыл? Нет, конечно! Бенит способен на все. Но только не на прощение.

Марция не посмела обвинить Бенита. Испугалась. Бежала, и теперь неведомо где. Элий тоже не вернулся в Рим из плена. Неужели и он испугался? Но если Элий не смог бороться с Бенитом, то как может Валерия не трепетать от страха? И куда ей бежать? Куда? Пока Дом весталок защищает её. Но с каждым днём эта ограда кажется все менее надёжной. И выход один – драться. И нападать. Но как может весталка сражаться с диктатором? Нелепый вопрос, и ответа на него не найти. Женщина может сразиться с мужчиной только одним оружием – хитростью. День за днём придумывала Валерия немыслимые ходы и фантастические планы, придумывала, чтобы тут же от них отказаться. И все же некий план созрел как бы сам собой, день за днём, вырастая из одного-единственного слова. «Жертвоприношение». От него пахло

¹⁷ 11 сентября.

благовониями, дымом и кровью. И сам план был столь отчаян и дерзок, что граничил с преступлением. И все же Валерия решилась его осуществить.

Ещё не получив согласия, она расписала роли помощников. Помощников было двое. Охранница Верма и актёр Марк Габиний. Преданная подруга и тайный поклонник. Они совершат жертвоприношение. И огонь жертвенника отпугнёт Бенита. В Марке Валерия была уверена. Марк не откажется – он согласился очень давно. Но вот Верма... За последний год она сильно изменилась. Не то чтобы похорошела, но... сделалась более томной и более загадочной. Завила волосы, заказала новый броненагрудник. Сандалии в обход привычной формы украсила золотыми ремешками. Кокетство и форма гвардейца – нелепое сочетание даже на взгляд весталки.

Что-то тревожило Валерию. Неужели ревность? Она и не знала, что будет ревновать к Верме. Но вот ревнует и... План казался уже не так и хорош. Но отказаться от него Валерия не могла – слишком долго он вызревал. Слишком много ночей провела весталка, обдумывая детали. Теперь оставалось только одно – рисковать.

Не хотелось бы, чтобы Бенит переиграл Валерию вновь. В прошлый раз диктатор ворвался в Дом весталок с бичом, рассчитывая отхлестать Великую Деву. Но не посмел. Ушёл взбешённый. Отступил. Выходит, его можно победить. Бенит проиграет! Ей хотелось верить в это. Но вместо веры всякий раз её охватывал страх.

II

По Риму ползли слухи, что вдова императора Руфина, живущая в изгнании в Вифинии, помешалась. Криспина швыряла в слуганок и охранников посуду, визжала, каталась по полу, утверждала, что родила нового наследника от старика Викторина, но сына-кровиночку отняли... Глупо. Умная женщина так не поступает. Она выходит замуж за того, кто подвернётся первым, потом подыскивает себе подходящую кандидатуру, разводится, устраивает дела и ищет новую добычу – богаче, знатнее, поближе к обжигающему солнцу власти. Находит солидного жениха, разводится с прежним мужем, разводит с прежней женой своего избранника, заключает новый брак и совершает новый скачок наверх. И так – насколько хватит красоты, молодости, обаяния, ума и удачи... Так или примерно так рассуждала супруга Бенита, читая в вестнике кратенькое сообщение о болезни Криспины.

Но сейчас Сервилию мало волновала Криспина. Валерия – вот главная опасность для Бенита. Вскоре она покинет Дом весталок и тогда непременно выйдет замуж за Марка Габиния. Этого нельзя допустить. По крови Валерия – ближайшая родственница Руфина, Элия и Постума. Она не так ещё стара и может родить. Если у неё будет сын, сенат может настоять, чтобы Постум его усыновил. Ситуация спорная и совершенно ненужная. Постум усыновит её маленького Александра – вот каков план действий. Племянник оставит Империю дяде. Валерия с её предполагаемыми детьми – лишняя в этой игре. Она только мешает. Как мешает Криспина со своей дочуркой.

Сервилия прошла по таблину, глянула в зеркало. Она все ещё была хороша. Косметологи, маски, массажи. Она ещё может смотреться в зеркало. И неважно, что у Бенита молодая любовница. У Бенита много любовниц. Но время от времени он возвращается в спальню супруги. У Сервилии столько дел: приёмы, встречи, обеды. И главное дело: будущее её сына.

Нет нужды ждать, когда противник наберётся сил. Куда проще нанести упреждающий удар. Вот если бы Валерия согрешила с Марком до того, как покинет Дом весталок, тогда бы...

А ведь это можно организовать. Лишь бы Марк осмелился.

Жаль Марка Габиния? Нет, не жаль. Он своей глупостью заслужил свои беды. Есть поверье, что жениться на бывшей весталке – к большому несчастью. Но ему плевать на древние

обычай, он демонстративно ждёт Валерию. Ну что ж, он будет наказан за дерзость. Глупый Марк. Разве боги не наказали тебя однажды? Так пусть накажут снова.

III

От Сервилии явился личный посланник и передал приглашение Марку Габинию. На пир к Сервилии приглашали, как на аудиенцию к императору. Сервилия частенько звала к себе знаменитого актёра. Но он почти всегда отказывался. Хотел отказаться и сейчас, но потом посмотрел на приложенный к приглашению список гостей и увидел, что первым стоит имя Валерии.

Валерия. Это имя действовало на него почти гипнотически. Ему чудилось, что весталка его зовёт. Сколько ей осталось быть в храме? Год, два? Три? Он пытался счесть годы и не мог. А может, и не стоит ждать? Все и так валится в Тартар. И не важно совсем – целомудренна Великая Дева или нет? Разве это может кого-то или что-то спасти? Разумеется, их выследят и казнят. И это неважно. Разве жизнь имеет хоть какую-то цену? После мучительной смерти сына нелепо цепляться за жизнь. Минута наслаждения – вот истинная ценность. Такой поступок, разумеется, глуп, но с некоторых пор Марк Габиний полюбил глупость. Быть может, с тех пор, как волосы его густо забелила седина.

И, будто откликаясь на его немой призыв, явилась женщина в форме гвардейца и передала записку от Валерии. Весталка непременно просила *быть* на пиру у Сервилии. *Быть* было выделено киноварью, как выделялись рубрики в старинных свитках. И бумага была дорогая, надушённая галльскими духами. Все *обещало*. Неужели? Сердце Марка прыгало как сумасшедшее. Ему казалось – только вчера повстречал он на пиру у Руфина Валерию. Сегодня утром отправил признание в любви, и вот она отвечает... Неважно, что между этими событиями пролегло почти двадцать лет. Все равно они уже миновали. Только одно смутило его поначалу: почему дом Сервилии, то есть Бенита? Потом он понял – в их преступлении будет вызов. Они согрешат в покоях самого диктатора. И своим позором Великая Дева бросит тень на диктаторский пурпур. Театральный жест. Цицерон когда-то хотел покончить с собой в доме Августа, дабы Октавиану являлся по ночам гений мщения. Ну что ж, пусть Бениту после казни любовников явятся лемуры, пусть тревожат по ночам его покой. Валерия и Габиний создадут прекрасную легенду. А легенды так необходимы Риму. Его охватило воодушевление – такое с ним бывало, когда он выходил на сцену.

В последние дни он репетировал роль Божественного Юлия, при этом зная, что Юлия Кумекая, нынешний режиссёр театра Помпея, ни за что не отдаст ему эту роль. Но все равно Марк выучил слова и время от времени произносил монологи. Он был уверен, что мог бы сыграть роль пятидесятилетнего диктатора, уставшего от власти и вечных сражений, предчувствующего собственную гибель. Ему даже ничего не понадобилось бы играть. Это все сейчас в нем – запредельное напряжение и запредельная усталость, понимание происходящего и невозможность ничего изменить. Рим, эта скользкая змея, не дающаяся в руки. А единственный ребёнок, горячо любимый ребёнок, умер.

Но, несмотря на усталость, несмотря на бесконечную горечь, он готов совершить нечто отчаянное, переступить черту. Он знает, что его за это убьют, но все равно переступит.

Он взял бутафорский веноч, принесённый из театра, и водрузил на голову. Это был его ответ. Его решение. Он выбрал.

– Здравствуй, диктатор Бенит, ничтожнейший из смертных! Идущий на смерть приветствует тебя! – произнёс Марк Габиний с пафосом.

IV

Поэт Кумий сначала не хотел идти на пир Сервилиии. После того как его выпустили из карцера, его все пугало – статуи и портреты Бенита, марши, несущиеся из громкоговорителей. Имена: Бенит, Макрин, Сервилия... Но в списке приглашённых (а список был длинный) он увидел и другие имена: Валерия и Верма – и не устоял. Со дня своего освобождения не видел он ни весталку, ни её охранницу. Они злились на него за предательство, он же стыдился проявленной слабости. Но ведь когда-нибудь придётся просить прощения. Почему бы не сегодня на пиру? Вино развяжет язык, он будет дерзким, Верма – более уступчивой, Валерия – почти снисходительной. Они должны его простить. Ведь его предательство было невольным. Лишь тот, кто выдержал допросы исполнителей и касторку с бензином, может осудить Кумия. Поэт – не Муций Сцевола, способный бесстрашно жечь на огне собственную руку. И ещё произносить дерзкие речи при этом. К тому же Кумий никогда и не хотел быть Сцеволой. Героизм не для него. Оставим это другим. Пусть Элий претендует. А он, Кумий, будет складывать слова – одно к другому. Жаль только, что за последние дни он не написал ничего нового. Настоящие слова кончились, из горла лезли словесные пузыри. И ещё жаль, что Кумию нечего надеть на пир к Сервилиии – тога давно превратилась в серую тряпку (а во что она ещё могла превратиться, если Кумий сам её стирал, да ещё без порошка и мыла), туники – одна страшнее другой. Лишь одна более-менее приличная – с цветной вышивкой. И вышито на ней «Я люблю Бенита». При одной мысли, что её придётся надеть, Кумия затошнило. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Это будет полное уничижение. И одновременно насмешка. Да, да, это будет насмешка. Все поймут. Все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.